ПРАВИТЕЛИ РОССИИ

ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ

ПАВЕЛ I ПЕТРОВИЧ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Павлу Первому катастрофически не повезло в жизни. Он опоздал сесть на трон, куда не допускала его родная мать Екатерина Вторая. А заняв престол после ее смерти, Павел и не представлял, что станет первым императором России, которого убьют собственные гвардейцы.

Да, Павла не любили в русское офицерство в целом и гвардия в частности.

Но вины Павла в этом не было, была его беда. Он был все детство отчаянно нелюбим матерью Екатериной Второй и слишком поздно взошел на трон. Ему хотелось быстрых и нужных, кстати, России реформ. Но в России реформы не любят в принципе. И за каждым распоряжением Павла (иногда и вправду были невероятные, типа высылки всех извозчиков из Петербурга за то, что у одного полиция нашла пистолет!) потянулся хвост сумасбродства.

Если говорить коротко, то заговорщики, убившие императора, именно этим и оправдывались: сумасброден, все в империи зашаталось, в армии закрутил гайки…

Но если говорить еще короче, Павла подвело его резкое сближение с континентальной Европой Францией и ненависть к Англии. Павел, например, приглашал Папу римского перебраться в Петербург. Так что за ударом в висок зубовской золотой табакеркой стояло английское золото.

Знал ли сын Павла Александр о заговоре? За это говорит то, что вступая на трон он сказал: «При мне все будет, как при бабушке…» И екатерининская камарилья успокоилась. Но были и еще слова, которые еще сильнее доказывают причастность сына к убийству отца. Вдова Павла и мать Александра дала сыну пощечину. И, помолчав, сказала: «Ступайте царствовать».

- Анна Семёнова
  - Павел – великий князь
    - Детство и юность
    - Семейная жизнь
    - Императрица и наследник
    - Заграничное путешествие графов Северных
    - Павловск
    - Гатчина и гатчинцы
    - Французская революция
    - Семья великого князя
    - Восшествие на престол Павла Петровича

        - Похороны
        - Коронация
    - Павел Первый – император
        - Внутренняя политика
        - Политика в отношении дворянства и крестьянства
        - Торговля и промышленность при Павле Первом
        - Военная реформа
        - Великий магистр Мальтийского ордена
        - Внешняя политика. Суворовские походы
        - Император и первый консул
        - Михайловский замок
        - Заговор и цареубийство
    - Главные даты жизни императора Павла I Петровича

Пётр III Фёдорович
Император Всеросийский
(21 февраля 1728 – 17 июля 1762)
Екатерина II Алексеевна
Императрица Всероссийская
(21 апреля 1729 – 6 ноября 1796)
Павел I Петрович
Император Всероссийский
(1 октября 1754 – 24 марта 1801)

Анна Семёнова
Император Всероссйиский Павел I Петрович. 20 сентября 1754 – 11 марта 1801

Павел – великий князь

Детство и юность

«Этот государь родился в недобрый час. Народы уже давно с нетерпением ждали его появления на свет, но отец отрекся от него, а мать его невзлюбила», – так писал о рождении императора Павла Первого один из его приближенных. Его родителями были будущие император Пётр III и императрица Екатерина II. Наследник российского престола великий князь Павел Петрович был крайне противоречивой фигурой. Вероятно, ни о ком из русских царей не было сложено столько исторических анекдотов и никто так неоднозначно не оценивался потомками – от крайне отрицательных оценок его короткого царствования, его политики и личности до прямо противоположных. Так, например, один из современных историков, Н. Я. Эйдельман, считал Павла умным, последовательным и прогрессивным политиком, непонятым своим временем. Однако большинством историков эта точка зрения не разделяется.

Павел I Петрович.

Появившись на свет 1 октября 1754 года, он тотчас же был отнят у родителей императрицей Елизаветой Петровной, которая взяла воспитание ребенка в свои руки. Само его рождение было очень тяжелым для его матери, великой княгини Екатерины Алексеевны, не только физически, но определялось полным равнодушием, проявленным к ней в первые часы после рождения сына. Она вспоминала, что оказалась в полном одиночестве, брошенной приближенными, что повлекло тяжелую болезнь. Двести пушечных залпов сообщили российским подданным о

рождении наследника престола. Ребенок был окружен согласно старым русским традициям множеством нянюшек, державших его в тепличных условиях, в тесных дворцовых помещениях. Екатерина, навестившая сына тайком вскоре после его рождения, увидела его в «неимоверно душной комнате, укутанного во фланелевые пеленки, в колыбельке, обложенной мехом чернобурой лисы; при этом покрыт он был атласным ватным одеялом. А поверх – другое одеяло, розового бархата, на меху тех же чернобурок». От этого его лицо и тело были покрыты потом, и «когда он подрос, – вспоминала мать, – малейший ветерок вызывал переохлаждение и заболевание». (Вероятно, подобные тягостные воспоминания о раннем детстве своего сына впоследствии были одной из причин, заставивших императрицу придерживаться совершенно иных методов при воспитании внуков, особенно старшего, своего любимца Александра. Екатерина II с первых дней после его появления на свет старалась закалять малыша, держать его в прохладном помещении, купать в воде, постепенно понижая температуру, одевать в просторную одежду, давать возможность много времени проводить на воздухе. «Господин Александр», как она называла внука, был, по ее словам, всегда весел, здоров и приветлив.) Он рано почувствовал свое одиночество, страдал без родительской ласки и привязался впоследствии к своему наставнику – выдающемуся государственному деятелю Никите Ивановичу Панину, который занимался его воспитанием с шести лет по распоряжению Елизаветы Петровны.

Великий князь Пётр Фёдорович. Художник Г. Х. Гроот.

Внешность Павла Петровича была весьма своеобразной. Современники оставили различные его словесные пртреты. Все отмечали курносость, однако подчеркивали, что его «глаза сохранили много выражения, а его очень большие зубы были так белы и ровны, что рот от этого казался почти приятным.

Он был чрезвычайно худ и состоял весь из костей и мускулов. Но в талии хорошо сложен, и, если бы он, желая вырасти и приобрести величественный вид, не приучил себя к театральной походке, его можно было бы назвать стройным». Образование, которое получил будущий император под руководством Панина,

можно считать типичным для норм своего времени. Молодой великий князь изучал науки в рамках гимназического курса, то есть литературу, историю, географию и математику, и, конечно, иностранные языки, которые ему преподавали хорошие учителя, преимущественно немецкого и французского происхождения. Среди них выделялся Франц Эпинус – известный физик, математик, астроном и писатель, профессор Берлинского университета, приглашенный в Российскую академию наук и принявший впоследствии русское подданство. В России он стал известен не только научной деятельностью, но и различными поручениями, которые ему давала Екатерина II, в частности, он был автором записки об организации в стране низшего и среднего школьного образования. В числе учителей Павла были также один из лучших богословов – будущий митрополит Платон, и крупный деятель екатерининского правления Г. Н. Теплов, знакомивший наследника с основами государственного устройства. Впечатлительный и остроумный, наблюдательный и насмешливый, с сильно развитым воображением, он много читал и любил театр.

Императрица Екатерина Алексеевна. Художник Ф. С. Рокотов.

«Павел умел вести скорее блестящий, чем основательный разговор, отличался большою вежливостью к женщинам, правильно оценивал величие своей судьбы», – писал один из его приближенных. Отдаленный от матери, он испытывал к ней сложные чувства, в которых соединялись уважение и «высший страх». Особенности воспитания, реалии придворной жизни, полной интриг, смерть Елизаветы Петровны, равнодушие отца, едва вступившего на престол и свергнутого женой, все это и многое другое, наряду, вероятно, с не лучшей наследственностью, стало причиной формирования раздражительного и желчного характера, склонного иногда к внешне неадекватным поступкам, резким сменам настроения, подозрительности. Один из русских воспитателей Павла Семен Порошин вел дневник, куда вошли

многие подробности жизни его воспитанника и двора в целом. Он отмечал «живой характер и нежное сердце» великого князя, но в то же время капризность и категоричность суждений. Так, однажды Павел резко и невежественно высказался о деятельности Ломоносова, узнав о его смерти, однако несколько месяцев спустя, услышав от учителя одну из од покойного великого ученого, воскликнул: «Ужасть как хорошо! Это наш Волтер!» Он рано понял, что у него есть безоговорочное право командовать людьми, невзирая на их возраст и положение, откуда и проистечет впоследствии деспотизм его правления.

Великая княгиня Наталия Алексеевна. Художник А. Рослин.

Детское увлечение наследника играми в солдатики и игрушечное ружье, характерное почти для всех мальчиков, постепенно перерастало в пристрастие к «взрослым» парадам, баталиям, военным занятиям. Он получал большое удовольствие от присутствия на грандиозных парадах. Эта страсть, формировавшаяся в детстве, станет одним из важнейших занятий императора после занятия им престола.

Семейная жизнь

Как и в далекие века, когда символом совершеннолетия наследника престола должна была стать женитьба, так и в связи с приближающимся восемнадцатилетием сына Екатерина задумалась о его женитьбе, в данном случае ее выбор пришелся по сердцу молодого великого князя. По совету Фридриха II императрица пригласила в Россию ландграфа Гессен-Дармштадтского Людвига IX с тремя дочерьми. Выбор матери, так же как и сына, остановился на средней из сестер – Августе-Вильгельмине-Луизе. Екатерина писала: «Мой сын с первой же минуты полюбил принцессу Вильгельмину, я дала ему три дня сроку, чтобы посмотреть, не колеблется ли он, и так как эта принцесса во всех отношениях превосходит своих сестер… старшая очень кроткая; младшая, кажется, очень умная; в средней все нами желаемые качества: личико у нее прелестное, черты правильные, она ласкова, умна; я ею очень довольна, и сын мой влюблен».

С 15 августа 1773 года принцесса Вильгельмина стала называться великой княжной Наталией Алексеевной, а на следующий день состоялось ее обручение с великим князем. Церемония бракосочетания, пышная и помпезная, состоялась через полтора месяца в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, стоявшей на месте построенного позже Казанского собора в Петербурге. Молодая великая княгиня отличалась сильным и упорным характером, и хотя была нежно любима своим мужем, однако императрица постепенно разочаровывалась в своей невестке. «Опасаясь злых, мы не доверяем целой земле, – писала вскоре Екатерина о жене сына. – Не слушаем ни хороших, ни худых советов. До сих пор нет ни добродушия, ни осторожности, ни благоразумия во всем этом, и Бог знает, что из этого будет, так как никого не слушают и все хотят делать по-своему. Спустя полтора года и более мы еще не говорим по-русски, хотим, чтобы нас учили, но не хотим быть прилежными. Долгов у нас вдвое больше, чем состояния, а едва ли кто в Европе столько получает». В этом отношении императрица была права. Наследник, как свидетельствовал современник, «жил на всем готовом, получал содержание в 175 тысяч рублей серебром, а его супруга 70 тысяч».

«Молодой двор» жил самостоятельной жизнью, проводя время в развлечениях, увлекаясь французским театром и литературой. Здесь царили свои приближенные, среди которых выделялся молодой красавец-моряк, придворный, дипломат Андрей Кириллович Разумовский. Участник победоносного Чесменского

морского сражения с турками в 1770 году, он в детстве был товарищем игр великого князя и стал пользоваться расположением великой княгини, которую еще невестой сопровождал морским путем в Россию. Екатерину особенно смущали политические интриги, которые, по слухам, затевал Разумовский, располагая поддержкой жены ее сына. Все это, однако, довольно скоро прекратилось, так как 15 апреля 1776 года великая княгиня скончалась при родах. Она страдала несколько дней, но никакой оперативной помощи не получила, погиб и ребенок. В придворной среде распространялось мнение об анатомических дефектах великой княгини, помешавших ей произвести на свет сына естественным путем, однако никто, по крайней мере публично, не задавался вопросом, почему не использовали операцию, чтобы спасти ее жизнь. Горе мужа казалось безграничным, хотя уже в том же году Екатерина с помощью европейской дипломатии остановила свой взор еще на одной немецкой принцессе – Софии Доротее Августе Луизе Вюртемберг-Монбельярской.

Великая княгиня Мария Фёдоровна. Художник А. Рослин.

Она была на пять лет моложе Павла, отличалась высоким ростом, красивой внешностью и была крещена в православие как Мария Фёдоровна. Этот семейный союз оказался счастливым, в браке родилось четверо сыновей (двое из которых – Александр и Николай стали императорами) и шесть дочерей. Мария

Фёдоровна была образованной и умной женщиной. Она увлекалась граверным искусством: камеи ее работы отличались изысканностью и мастерством исполнения; по моде того времени она любила также токарное искусство. Но особым пристрастием великой княгини, а потом императрицы стало цветоводство. До настоящего времени в Павловске выращивают те цветы, которые разводила Мария Фёдоровна. Другой важной стороной ее деятельности стала благотворительность, которой она посвятила себя после восшествия на престол Павла. 12 ноября 1796 года она была поставлена «начальствовать над воспитательным обществом благородных девиц». Императрица проявила большую энергию и привлекла в пользу общества много пожертвований. Весной следующего года Мария Фёдоровна стала главной начальницей воспитательных домов. В это время в них наблюдалась крайне высокая детская смертность, причину которой императрица видела в неконтролируемом очень большом количестве приносимых младенцев. В связи с этим было решено ограничить число малышей, воспитывающихся в московском и петербургском домах пятьюстами, а остальных приносимых в дома младенцев отдавать в казенные деревни «благонадежным и доброго поведения крестьянам на воспитание с целью приучить питомцев правилам сельского домоводства; мальчиков оставлять у крестьян до 18-летнего возраста, девочек до 15 лет». В воспитательных домах же должны были оставаться лишь совершенно слабые дети, требовавшие непрестанного ухода.

Великие князья Александр и Константин Павловичи. Художник Р. Бромптон.

В молодости жившая в весьма скромной обстановке, молодая великая княгиня с удовольствием окунулась в роскошь екатерининского двора. Она с удовольствием в течение дня носила тяжелые парадные платья, участвовала в придворных празднествах. В музее Павловска сохранилось несколько платьев Марии Фёдоровны разных периодов жизни, отличающихся изяществом и вкусом. Так, например, самое раннее по времени изготовления – середины 1770-х годов – это утреннее платье на

фижмах из светлого шелка с росписью акварелью в виде изящных веточек с листьями и ягодами. Первые годы молодые супруги жили в Петербурге и Царском Селе, прогулки в котором были их любимым занятием. Маршрут определялся согласно одной из записочек, написанных великим князем, и доставался по жребию из шляпы. Оба любили составлять небольшие письма-записки со своими впечатлениями и мыслями. «Мой дорогой муж – ангел, – писала Мария Фёдоровна в одной из записок по-французски. – Я его люблю до безумия. Люблю в тысячу раз больше, чем самое себя». Иногда она писала по-русски, стараясь тщательно воспроизводить русский алфавит.

После рождения в 1777 году первенца Александра, с которым Екатерина поступила так, как когда-то с Павлом Елизавета Петровна, отобрав его у матери, молодые родители получили в подарок от императрицы село Павловское с угодьями, деревнями и крестьянами. Вскоре здесь начнется строительство дворца – любимой резиденции Марии Фёдоровны.

Императрица и наследник

Существует обширная историческая литература об отношениях Екатерины II и Павла. Основные ее положения сводятся к следующему. Материнские качества императрицы, если они и существовали, явно отступали перед проблемами власти. Взойдя на престол в 1762 г. с помощью гвардии в результате дворцового переворота и устранив своего мужа – императора Петра III (Павлу в это время еще не исполнилось восьми лет), Екатерина была всегда озабочена легитимизацией своей власти. До переворота и в первое время после него императрица выступала от имени малолетнего сына, делая намеки о своем возможном регентстве. Однако после укрепления ее позиций и коронации в Москве эта тема постепенно угасла. Тем не менее имелись силы, представленные прежде всего наставником Павла Никитой Паниным, осторожно воспитывавшим наследника в оппозиционном к матери духе, подчеркивающем его законное право на власть как сына Петра III, вопреки позиции матери, незаконно захватившей трон. Отсюда, несомненно, проистекает интерес наследника к фигуре отца, а также к самозванчеству, существовавшему в казачьей среде и отразившемуся впоследствии в восстании Пугачева, выступавшего от имени Петра III. Имея осведомителей, императрица знала о настроениях «партии Панина», к которой примкнула и первая жена Павла – Наталия Алексеевна, вскоре скончавшаяся. Восемнадцатилетие Павла не привело к занятию им трона. Под предлогом совершеннолетия ученика наставник Панин был удален с достойным вознаграждением. Однако идеи возвести на престол Павла, отстранив мать и ограничив царскую власть подобием конституции, продолжали жить в интеллектуальной части высшего дворянства. Современные исследователи обратили внимание на известный, но почти забытый сюжет из записок декабриста М. А. Фонвизина, написанных во время сибирской ссылки. Племянник известного драматурга екатерининской эпохи Д. И. Фонвизина записал: «В 1773 или 1774 году, когда цесаревич достиг совершеннолетия и женился на дармштадтской принцессе, названной Наталией Алексеевной, граф Н. И. Панин, брат его, фельдмаршал Н. И. Панин, княгиня Е. Р. Дашкова, князь Н. В. Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил, и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо нее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную

ему Паниным конституцию, утвердил ее за своею подписью и дал присягу в том, что воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие. Душою заговора была супруга Павла, великая княгиня Наталия Алексеевна, тогда беременная».

Далее в записках декабриста сообщалось, что через осведомителей императрица узнала о планах заговорщиков, однако, по понятным причинам, не стала привлекать к ним внимания, она лишь удалила их от двора и усилила наблюдение. В этой связи находит свое объяснение, впрочем, на уровне предположений, что помощь умиравшей великой княгине не была оказана сознательно. Текст «конституции Фонвизина – Панина», под которым этот документ вошел в историю, не найден, но сохранилось его предисловие, а в записках М. А. Фонвизина даже делается попытка реконструировать его содержание. Этот сюжет, ставший одним из самых засекреченных в следующем веке, является весьма важным для понимания сложной проблемы престолонаследия и отношений императрицы и ее сына. Политика императрицы, направленная на возможное отстранение сына от наследования престола и передачу власти старшему, любимому внуку Александру, стала проявляться вскоре после описываемых событий. Так, явно не случайно два старших внука, Александр и Константин, были отняты бабушкой у родителей, а последние через два года после рождения второго сына в сентябре 1781 года были отправлены в длительное европейское путешествие.

Заграничное путешествие графов Северных

«Я никогда не мог выяснить, что именно заставило Екатерину отправить великого князя в путешествие», – вспоминал хорошо осведомленный Фёдор Головкин. Этому можно не удивляться, так как организации путешествия предшествовала сложная интрига. Считается, что во время визита в Россию императора Священной Римской империи, которого иногда называют австрийским императором, Иосифа II, он подал Екатерине мысль отправить наследника с женой «на прогулку» в Европу. Зная склонность сына к противодействию всем ее начинаниям, она поручила князю Репнину подготовить Павла к идее заграничного путешествия и рекомендовать ему обратиться к матери за разрешением. Первоначально императрица, согласно ее плану, отказала сыну и затем, вняв мольбам, дала согласие. Однако в подготовку этого мероприятия вмешались другие силы: отстраненный от своего воспитанника, но сохранивший на него влияние, Никита Панин, сторонник сближения с Фридрихом II и Пруссией, в противовес Австрии, усмотрел в этой поездке угрозу для прежнего дипломатического курса России и будущего Павла. Он старался заставить наследника отказаться от этой идеи, тем более что императрица запретила сыну посещать Берлин и видеться с Фридрихом II, поклонником которого, а также его военной системы был Павел. Последний внял опасениям Панина, что его могут лишить надежд на трон, не впустив обратно в Россию и объявив наследником сына, Александра. Павел пытался отказаться от поездки, но безрезультатно.

Маршрут, рассчитанный на 14 месяцев и имевший главной дипломатической целью укрепление союза между Россией и Австрией, был тщательно разработан самой императрицей и рассчитан по дням. Через Украину граф и графиня Северные, под такими именами наследная чета должна была передвигаться по Европе (хотя всем был известен их реальный статус), предполагали направиться в Австрию, затем посетить Италию, Францию, Голландию, германские государства, Польшу. На поездку были выделены значительные средства, обеспечена свита из придворных, а также слуг, врачей, писарей, поваров и даже астролога. Путешествие обросло большой литературой, многочисленными воспоминаниями, нередко противоречащими друг другу. Через Варшаву после встречи с королем Станиславом Понятовским, бывшим близким другом Екатерины, путешественники прибыли в Вену, где им был оказан роскошный прием: банкет, бал-маскарад и грандиозный военный парад,

право принимать который было предоставлено Павлу. И в других городах Австрии «графов Северных» принимали согласно протоколу самого высокого уровня. Желая сделать путешествие как можно более приятным, Иосиф II писал в европейские страны письма с просьбами проявить максимальное почтение к российской чете. Он даже сообщил их вкусы, подчеркнув, что «они совсем не привередливы в еде и в основном предпочитают простую, но качественную пищу, а фруктовые компоты являются особенно предпочтительными. Они пьют только воду». Мария Фёдоровна также была польщена любезностью Иосифа II, особенно когда он привез в Вену ее родителей, которых она не видела со времени приезда в Россию.

Воодушевленный свободой и неожиданным для него теплым приемом в европейских государствах, где в отличие от матери его воспринимали как наследника престола и консультировались с ним по государственным вопросам, Павел повел себя неосторожно, критикуя политику Екатерины и ее фаворитов. Одновременно он подчеркивал, что боится за свою жизнь. Так, Фёдор Головкин сообщал о «странных сценах», имевших место во время пребывания Павла в Италии. Во время обеда в семейном кругу у герцога Тосканского Леопольда, брата Иосифа II, во Флоренции великий князь «вдруг вскочил из-за стола и, сунув все свои пальцы в рот, чтобы вызвать рвоту, стал кричать, что его отравили. Великогерцогская семья, крайне обиженная в своей мещанской простоте, все же старалась всеми средствами его успокоить; но потому ли, что Павел действительно воображал, что он находится в опасности или же потому, что он притворялся – его удалось успокоить лишь с большим трудом».

Другой инцидент имел место в Неаполе, когда «однажды зашла речь о правительстве, королева сочла нужным сказать, что не следует говорить о законах в присутствии принца, привыкшего к самому совершенному законодательству, которое существует на свете. На это великий князь воскликнул: «Законы в такой стране, где та, кто царствует, может удержаться на троне только в силу того, что она законы топчет ногами!» Все ужаснулись… и постарались скорее переменить разговор». Тем не менее итальянские собеседники Павла отмечали и положительные стороны его поведения и ума. Так, тот же герцог Тосканский Леопольд отмечал осведомленность наследника российского престола в вопросах внешней политики, его аргументы против линии матери на союз с Австрией и, напротив, пропрусские симпатии Павла. «Он не скрыл от меня, – писал Леопольд, – что не одобряет всех обширных проектов и нововведений в России, которые в действительности впоследствии оказываются

имеющими более и пышности и названия, чем истинной прочности». В этом же разговоре «граф Северный» разгорячился и заявил, что ему известны имена петербургских должностных лиц, якобы «купленных Венским двором». «Это князь Потемкин, статс-секретарь императрицы Безбородко, первый член Иностранной коллегии Бакунин, оба графы Воронцовы, Семен и Александр, и Марков, теперь посланник в Голландии». Павел подчеркнул, что он будет доволен, если узнают, что ему известно, кто они такие, и лишь только он получит власть, то их «отстегает», уничтожит и выгонит. В другом письме Леопольд замечал: «Граф Северный, кроме большого ума, дарований и рассудительности, обладает талантом верно постигать идеи и рассудительности и быстро обнимать все их стороны и обстоятельства. Из всех его речей видно, что он исполнен желанием добра. В его образе мыслей видна энергия. Мне он кажется очень твердым и решительным, когда остановится на чем-нибудь, и, конечно, он не принадлежит к числу тех людей, которые позволили бы кому бы то ни было управлять собою».

Охота на оленя в Шантийи. Художник Ж.-Б. Лепан.

Италия как центр античного наследия не оставила равнодушными российских путешественников. Они знакомились с историческими памятниками, в окрестностях Неаполя посетили Помпеи и Геркуланум, ездили в Казерту, где осматривали хорошо сохранившиеся древние водопроводы, в Риме были приняты папой Пием VI. В Италии «графы Северные» получили множество подарков, среди них были произведения неаполитанской

фарфоровой мануфактуры: 27 копий античных бюстов, найденных в Геркуланум, а также полное собрание лав Везувия из 950 образцов. В Риме они неоднократно посещали собор Святого Петра, любовались фресками работы великих мастеров, побывали в мастерских известных художников и граверов, где, помимо подарков, приобрели немало изделий. Все эти произведения искусства украсили залы дворца в Павловске.

Пребывание «графов Северных» во Франции оставило много следов и в мемуарной литературе, и во французских газетах. На публику российская пара произвела благоприятное впечатление. Газета «Ле Меркюр де Франс» так характеризовала наследника: «Говорит он мало, но весьма кстати, не эмоционально, но свободно и без демонстративной льстивости». Великая княгиня показалась очень привлекательной, хотя и немного полноватой по французским меркам. В Париже началась мода на «все русское». Павел и Мария Фёдоровна были приняты Людовиком XVI и Марией Антуанеттой. Программа торжеств была обширна: ужины, костюмированные балы, спектакли. Пресса отметила, что во время музыкального вечера в Малом Трианоне прическа великой княгини была украшена маленькой птичкой из драгоценного камня с крыльями, раскрывающимися при помощи пружинки. Туалеты и прическа Марии Фёдоровны особенно интересовали придворных дам. Одна из них заметила у великой княгини «очень модную штучку: в прическу были заложены маленькие плоские бутылочки, изогнутые по форме головы, заполненные немного водой и скрытые бриллиантами. В них были вставлены живые цветы, а вода поддерживала их в невянущем виде и придавала прохладу голове… – это было прелестно: весна на голове среди снегов пудры». На одном из праздников великая княгиня появилась в роскошном платье из парчи, расшитом жемчугом, что тоже отметили внимательные наблюдатели.

Путешественники посетили Севр и Марли, в замке Шантийи принц Конде дал в их честь обед, сервированный на золотой и серебряной посуде. Затем состоялась охота на оленя с факелами. В память о визите Конде заказал живописцу Жану-Батисту Лепану картину «Охота на оленя в Шантийи», которая была преподнесена Павлу Петровичу в 1785 году и хранится теперь в Павловском дворце. Рядом с замком находилась деревня Шантийи. Воспоминания баронессы Генриеты д'Оберкирх, подруги детства Марии Фёдоровны, путешествовавшей вместе с ней и Павлом по Франции, Германии и Бельгии, рисуют картину пребывания графа и графини Северных в деревне: «После наступления ночи, как мне показалось, на всех листьях зажглись бумажные фонарики. В зеленых кабинетах и в павильонах устраивались танцы. Ужин был

накрыт в деревушке, в мило придуманных и живописно расположенных сельских домиках в центре английского сада. Самая большая хижина была внутри украшена листвою, а снаружи окружена всеми инструментами хорошего пахаря… По окончании стола ездили на судах по протекающей речке через оную часть сада, на которых была музыка и оныя суда были украшены фонарями».

Барон Гримм, многолетний корреспондент Екатерины, в своей рукописной газете, рассылавшейся европейским монархам, под названием «Литературная корреспонденция», отмечал естественное поведение наследника во Франции, его высокую образованность и культуру. «В Версале он производил впечатление знатока Французского двора, изучившего его так же хорошо, как и свой. В мастерских наших художников (с наибольшим интересом он виделся главным образом с господином Грёзом и господином Гудоном) он высказал такие познания в искусстве, которые делали его одобрения для них более ценными. В наших лицеях и академиях своими похвалами и вопросами он доказал, что он давно знает тех людей, просвещенность или добродетели которых сделали честь их веку и их стране». По словам Фёдора Головкина, великий князь умел «быть очень любезным, и во Франции это с ним часто случалось. Передают много остроумных изречений, принадлежащих ему». В Трианоне (дворце на территории Версальского парка), писал мемуарист, «герцог де Коаньи, весьма модная в то время личность, стоя облокотившсь на камин, спросил великого князя, не меняя своего положения, как он находит французов. «Они очень милы, – ответил Павел, – хотя немного фамильярны». И далее: «Несмотря на то, что он лицом был очень некрасив, над чем он сам посмеивался, он так хорошо умел себя держать, что отнюдь не казался простым и был настолько сдержан, что как-будто ничему не удивлялся. Однажды в его честь устроили бал в большой галерее в Версале, где уже много лет не давались празднества, и король рассчитывал, что произведет этим большое впечатление на великого князя. Когда граф дю Нор («Северный». – *А. С.*) вошел, он раскланялся и стал, как всегда, разговаривать с придворными. «Посмотрите-ка на моего дикаря, – сказал Людовик XVI, потеряв терпение, графу де Бретёль, – ничему он не удивляется». «Это потому, – ответил министр, – что он каждое воскресенье видит то же самое у своей матери».

В Париже наследник, так же как в Италии, не удержался от непротокольных замечаний в адрес императрицы, заявив удивленным королю и королеве: «Ах! Я бы очень досадовал, если бы в моей свите был даже пудель, верный мне, потому что мать

моя велела бы его утопить тотчас после моего отъезда из Парижа!» В словах Павла отразилось его настроение после получения известия из Петербурга о расправе с одним из корреспондентов его друга и приближенного Александра Куракина. Полиция перехватила письмо к нему некоего полковника Бибикова, который резко критиковал порядки при дворе. После расследования Бибиков, как и впоследствии адресат его письма Куракин, внучатый племянник Панина, были сосланы. Окружение наследника, таким образом, понесло большие потери, и императрица пожелала в письме к сыну, чтобы он извлек из этой истории «пользу для настоящего и будущего». Вероятно, мрачные мысли Павла были причиной эпизода, происшедшего в продолжение путешествия, в Брюсселе, и ставшего широко известным в исторической литературе. В 1869 году в журнале «Русский архив» были опубликованы фрагменты воспоминаний уже упоминавшейся баронессы Оберкирх, вспомнившей, как однажды в Брюсселе при обсуждении мистических явлений великий князь рассказал о странном событии, происшедшем с ним в Петербурге незадолго до его первой женитьбы. Как-то вечером Павел в сопровождении князя Куракина шел по улицам столицы. Вдруг впереди показался человек, завернутый в широкий плащ. Казалось, он поджидал путников и, когда те приблизились, пошел рядом с ними. Павел вздрогнул и обратился к Куракину: «С нами кто-то идет рядом». Однако тот никого не видел и пытался убедить в этом великого князя. Вдруг призрак заговорил: «Павел! Бедный Павел! Я тот, кто принимает в тебе участие». Затем призрак пошел впереди путников, как бы ведя их за собой. Подойдя к середине площади, он указал место будущему памятнику. «Прощай, Павел, – проговорил призрак, – ты снова увидишь меня здесь». И когда, уходя, он приподнял шляпу, Павел с ужасом разглядел лицо Петра. Анри Труайя дополнил детали этой встречи по воспоминаниям баронессы: «Я легко различил в этот момент его лицо: орлиный взгляд, обветренный лоб, строгий нос моего прадеда Петра Великого, – вспоминал цесаревич. – Прежде чем я успел удивиться и ужаснуться, он исчез. Я помню мельчайшие детали этого видения, оно было одним и тем же и все время стоит перед моими глазами… И мне страшно, страшно жить в страхе: до сих пор эта сцена стоит перед моими глазами». «Эти последние слова прозвучали в полной тишине. При полном замешательстве всех присутствовавших, – продолжала мемуаристка, – принц де Линь спросил великого князя: «Какую же, государь, мораль можно вывести из сей притчи? Как вы полагаете, что же может означать это видение?» Павел выпрямился и тихо ответил: «Очень простую.

Я умру молодым».

О царе Петре российские путешественники вспомнили также в Голландии – следующей стране, которая их ожидала. В Заандаме они посетили домик, в котором жил император в 1697 году, когда учился ремеслу корабельного плотника во время «великого посольства». Домик сохранился до наших дней, в XIX веке вокруг него был сооружен каменный футляр. Знаменитый Лейденский университет был следующим пунктом путешествия. Благодаря знаниям, приобретенным в стенах университета, многие из русских, обучавшихся в Голландии, сделались полезными своему отечеству – такова была главная мысль выступления Павла Петровича перед профессорами университета, торжественно встретивших высокого гостя. Присутствие князя Куракина, получившего образование в Лейденском университете, придало особый эффект этой встрече. Далее через Дюссельдорф и Франкфурт путешественники прибыли на родину Марии Фёдоровны, где она когда-то восприняла первые уроки сентиментализма в духе Руссо, в Этюп – летнюю резиденцию родителей великой княгини недалеко от Монбельяра. Здесь они провели месяц и затем проездом через Швейцарию достигли столицы герцогства Вюртембергского – Штутгарта, где правил дядя Марии Фёдоровны – герцог Карл. Потом – снова Вена на две недели и далее через Краков, Гродно, Ригу – на родину, в Петербург, куда прибыли в ноябре 1782 года.

Павловский дворец. Современный вид.

Во время путешествия великий князь и императрица

обменивались письмами, в которых Екатерина сообщала сведения о здоровье сыновей Павла и придворные новости, не всегда благоприятные для наследника, а он сообщал о своих впечатлениях. По возвращении путешественники были встречены скромно, без торжественных церемоний, огромный багаж Марии Фёдоровны, состоявший из десятков коробок купленных в Европе за большие деньги туалетов, приказано было вернуть продавцам без оплаты чеков. Отношения Павла с матерью значительно ухудшились. Сказался и разгром «панинской партии» – сам Панин скоропостижно умер в марте 1783 года на руках Павла, – и откровенное раздражение императрицы в связи с высказываниями наследника о порядках в стране, сделанных им во время путешествия. Павел с женой стал проводить больше времени в Павловске, затаившись и стремясь не давать новых поводов для недовольства. Современный исследователь Михаил Сафонов приводит любопытное свидетельство английского дипломата Джеймса Гарриса, внимательно наблюдавшего за непростой ситуацией при российском дворе. «Образ действия великого князя и великой княгини, – писал англичанин в своей корреспонденции 6 декабря 1782 года, – с самого возвращения в Петербург был гораздо сдержаннее, чем можно было бы предполагать. Они ведут почти уединенный образ жизни, исключили из своего общества своих прежних любимцев и, по-видимому, желают впредь руководствоваться одною волею императрицы. Трудно определить, чему следует приписать эту неожиданную перемену. Она отчасти объяснялась тем, что они нашли графа Панина слишком ослабевшим для того, чтобы оказать им поддержку или подать совет. Отчасти она могла быть приписана и тому, что они убедились, что почти все лица, сопровождавшие их во время путешествия, их выдали, и, наконец, тем странным слухом, который дошел до них, будто бы императрица намеревалась по возвращении их устранить цесаревича от наследования и после своей смерти передать престол старшему внуку. Какими бы причинами она ни была вызвана, во всяком случае, поведение их было благоразумно и основательно. Но, к несчастью, императрица так сильно предубеждена была против них, что их образ действий нисколько не встречал с ее стороны того одобрения, которого заслуживал. Она назвала их сдержанными, молчаливыми и рассерженными: говорила, что их испортили заграничные связи и что они уже не могут вернуться к обычаям своей страны. Словом, она заранее решила, что будет недовольна, а потому им и невозможно уже было угодить ей».

Павловск

Село Павловское, как уже упоминалось, находящееся недалеко от Царского Села, было подарено Екатериной великокняжеской чете в 1777 году в связи с рождением первенца – Александра. Еще ранее во владение Павлу был передан дворец на Каменном острове, тогда в предместье Петербурга. Активное строительство Павловского Большого дворца происходило во время заграничного путешествия Павла и Марии Фёдоровны. Первый камень в основание дворца был заложен 25 мая 1782 года. Руководил работами талантливый архитектор Ч. Камерон. Дворец в Павловске возводился быстрыми темпами – уже к осени 1782 года были построены главное здание и боковые галереи. Во время заграничного путешествия «графы Северные» постоянно переписывались с архитектором и управляющим павловским городовым правлением К. И. Кюхельбекером (отцом будущего декабриста и друга Пушкина). Но взгляды Павла и Камерона часто не совпадали. Постоянное вмешательство владельца дворца в планы архитектора вело к неизбежным конфликтам. Главной претензией Павла I были размеры дворца: недостаточные, по его мнению, для резиденции будущего императора России. В связи с этим Павловский дворец был перестроен и расширен. Ответственным за строительство был назначен помощник Камерона архитектор В. Бренна.

Интерьер Павловского дворца.

Изящный и строгий бело-золотистый силуэт дворца, построенного на высоком берегу реки Славянки, хорошо виден из самых дальних точек Павловского парка.

Храм дружбы в Павловске. Современный вид.

Самое большое участие в обустройстве будущей резиденции и парка принимала Мария Фёдоровна. Вот что, например, писал ей Кюхельбекер 16 января 1782 года: «Милостивейшая Государыня, две посылки с семенами прибыли сюда. Вторая еще на таможне, но я надеюсь завтра ее получить. Я подписал

распоряжения В. И. В. для садовника и собираюсь купить ему книгу Линнея (шведский естествоиспытатель. – *А. С.*), которая даст ему возможность профессионально обращаться с этими культурами. Я вышлю список растений и кустарников, которые имеются в Павловске, а также то, что г-н Сваарт (голландский ботаник. – *А. С.*) должен прислать следующим летом, а также список растений, семена которых в посылке г-на Лаксмана (академик Петербургской Академии наук. – *А. С.*), присланной Вашему Императорскому Высочеству из Сибири… Приготовления к строительству нового здания оживляют Павловск даже в это время года. Начинают строить фундамент. Посылаю Вам план верхнего этажа. Г-н Камерон просил обратить внимание Вашего Императорского Высочества на то, что размеры, данные им, не совсем соответствуют тем, которые на плане В. И. В.; г-н Камерон счел необходимым несколько увеличить длину и ширину здания, а расположение комнат остается прежним». В февральском письме того же года управляющий сообщал следующее: «Милостивейшая Государыня, Ваше Императорское Высочество, [Вы] получите в подарок с этим письмом Каталог растений для Павловска. А также список того, что г-н Сваарт прислал из Голландии. Растение, посланное г-ном Лаксманом, отсутствует, так как не было еще случая, чтобы растение, посланное в августе, могло сохраниться [до этого времени]. Нынешняя зима необычайно холодна, я еще никогда не видел в России за 10 лет такого мороза и такого количества снега. Растения в оранжерее сохранились только благодаря тому, что было использовано много дров. Куры из Голландии, привезенные накануне отъезда Вашего Императорского Высочества, выжили (в отличие от утки и красного гуся) только благодаря печке, которую я приказал сложить осенью». Великая княгиня, рассматривая планы будущих строений, писала в Россию: «…свой уголок, Колоннада, Храм в Павловском доставляют мне больше радости, чем все красоты Италии».

Павловск. Парк.

Постепенно в Павловске, а затем в Гатчине складывался особый архитектурный стиль павловского времени, который найдет свое завершение в Михайловском замке в Петербурге – последней резиденции императора Павла. Парк Павловска станет одним из шедевров русского садово-паркового искусства конца XVIII – первой половины XIX века. Во внутреннем убранстве Павловского дворца нашли свое место многие из произведений искусства, приобретенные великокняжеской четой во время путешествия за границу, и им подаренные. Так формировалось новое культурно-историческое явление, которое некоторые исследователи называют «культурой малого двора», то есть двора наследника.

Гатчина и гатчинцы

После рождения летом 1783 года у Марии Фёдоровны первой дочери, Александры, царственная бабушка подарила семье сына мызу Гатчина в пригороде Петербурга. Первоначально эта территория принадлежала Петру Первому, затем, при Анне Иоанновне, мыза с деревнями была подарена князю А. Б. Куракину «в личное потомственное владение». В 1765 г. ее купила Екатерина и подарила своему фавориту Григорию Орлову. Он затеял в Гатчине большое строительство, пригласив для проектирования дворца архитектора Антонио Ринальди. Расположенный на холме над Серебряным озером дворец производил впечатление средневекового замка. После смерти Орлова императрица выкупила Гатчину у его наследников, и затем это имение оказалось собственностью Павла Петровича.

Большой Гатчинский дворец. Современный вид.

Таким образом наследник был окончательно удален от двора, и начался тринадцатилетний «гатчинский» период его жизни. Как писал исследователь этой эпохи Г. И. Чулков, «здесь созрели окончательно политические идеи будущего императора; здесь определился его характер; здесь он создал своеобразный и мрачный быт; здесь душа его, уже отравленная ревнивыми мечтами о власти, ничем не ограниченной, заболела страшным недугом». В Павловске преобладал вкус Марии Фёдоровны, в Гатчине – Павла. На облик «павловской» Гатчины повлияли

впечатления великого князя от замка Шантийи, с которым он познакомился во время заграничного путешествия. Принц Конде по просьбе Павла прислал ему сборник с планами и чертежами по Шантийи, позже названный «Альбомом графа Северного». В Гатчине материалы этого альбома дали богатую пищу для архитектурных и парковых фантазий на французские темы. Среди них значительную часть занимали сооружения в «стиле Шантийи»: это ансамбль площади Коннетабля, здание Кирасирских казарм, парк Сильвии, остров Любви с павильоном Венеры, регулярные сады, Карпин пруд и другие. Однако это не было слепым подражательством, в Гатчине французские образцы творчески перерабатывались.

«Гатчинский помещик», как он сам себя называл, занимался хозяйством и военным делом. Повторяя пристрастие отца к прусским военным порядкам, наследник создал собственную небольшую армию и занялся муштрой солдат. Роскоши екатерининского двора он противопоставил своеобразный аскетизм и дисциплину. Здесь запрещалось носить пышные туалеты, а также круглые шляпы и фраки. «Он окружил себя стражей и пикетами, – вспоминал современник, – патрули постоянно охраняли дорогу в Царское Село, особенно ночью, чтобы воспрепятствовать какому-либо неожиданному предприятию. Он даже заранее определял маршрут, по которому он удалился бы с войсками своими в случае необходимости; дороги по этому маршруту по его приказанию заранее были изучены доверенными офицерами». Занимаясь со всей страстью военным делом, Павел проводил парады, составлял воинские уставы для строевой, гарнизонной и лагерной службы и инструкции для массы должностных чинов армии. Его окружение изменилось, теперь его круг составляли офицеры незнатного происхождения, нередко малообразованные, но искушенные в тонкостях военного дела. Одной из таких фигур стал А. А. Аракчеев, ставший известным позже, в эпоху Александра Первого, а пока только начавший подниматься по служебной лестнице и прозванный «гатчинским капралом». «Армия» наследника, составлявшая вначале восемьдесят человек, постепенно выросла до двух тысяч. Форма солдат и офицеров и воинский устав резко отличались от порядков в российской армии. Здесь были эскадроны кавалерии и артиллерийские части. «Будучи взрослым и зрелым человеком, – писал Чулков, – он играл роль самодержавца в своем небольшом поместье, как мальчики играют, забавляясь ненастоящими крепостями и ненастоящими армиями». Вскоре, согласно воспоминаниям, Гатчина и Павловск стали напоминать военные лагеря, с заставами и шлагбаумами;

их образ существования сообразовывался с ритмом жизни наследника, который вставал в четыре часа утра и рано отходил ко сну.

В хозяйственной сфере «гатчинский помещик» достиг некоторых успехов. Он устроил школу и больницу для жителей Гатчины, построил четыре храма, принадлежавших разным конфессиям. Согласно документам Павел помогал крестьянам, прирезая земельные участки и давая ссуды, способствовал возникновению довольно примитивных предприятий по производству фарфора, стекла, суконной фабрики, чтобы обеспечить занятость местных жителей. Тем не менее, будучи отлучен от реальной политической жизни, он не мог не ощущать свою ущербность. «Мне вот уж 30 лет, – писал наследник одному из своих близких, – а я ничем не занят». По его словам, ему оставалось только искать утешения среди своих друзей, чьи сердце и ум будут выше их роста». В 1787 году во время второй русско-турецкой войны он стремился выехать на театр военных действий, что было отклонено Екатериной. Вскоре он вновь попытался участвовать в войне, на этот раз со Швецией, и хотя получил боевое крещение, но был быстро отозван матерью в Петербург еще до окончания боевых действий.

Французская революция

Французская революция, начавшаяся в 1789 году, усугубила раздраженное состояние духа наследника и укрепило его в мысли, что для предотвращения революции надо править государством военными методами и горадо жестче, чем его мать. Так, читая однажды в кабинете императрицы газеты, сообщает биограф Павла историк Н. К. Шильдер, великий князь воскликнул в негодовании: «Что они все там толкуют! Я тотчас бы все прекратил пушками». На что Екатерина ответила: «Vous etes une Bete feroce (Вы жестокая тварь. – *фр*.), или ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями? Если ты так будешь царствовать, то не долго продлится твое царствование».

Страх перед революцией подпитывался общением с эмигрантами, бежавшими в Россию из Франции, и их агентами. Фёдор Ростопчин писал С. В. Воронцову: «Вы увидите впоследствии, сколько вреда наделало пребывание Эстергази: он так усердно проповедовал в пользу деспотизма и необходимости править железной лозой, что государь-наследник усвоил себе эту систему и уже поступает согласно с нею. Каждый день только и слышно, что о насилиях, о мелочных придирках, которых стыдился всякий честный человек. Он ежеминутно воображает себе, что хотят ему досадить, что намерены осуждать его действия и проч… Великий князь везде видит отпрыски революции». К этому мнению присоединялся и Фёдор Головкин. «Французская революция произвела на него сильнейшее впечатление, – вспоминал мемуарист, – однажды он мне сказал: «Я думаю о ней лихорадочно и говорю о ней с возмущением». В беседах с немецким романистом Августом Коцебу, жившим в это время в Петербурге, Павел скорбел о смерти короля: «Он слышал, как те самые люди, которые расточали фимиам перед Людовиком XVI как перед божеством, когда он искоренил рабство, теперь произносили над ним кровавый приговор. Это научило его если не ненавидеть людей, то их мало ценить, и, убежденный в том, что Людовик еще был бы жив и царствовал, если бы имел более твердости, Павел не сумел отличить эту твердость от жестокости».

Семья великого князя

Семья Павла Петровича тем временем приумножалась, после Александры появились на свет еще три дочери, которые росли с родителями, но к воспитанию сыновей великокняжеская чета по-прежнему не допускалась. Две партии, сложившиеся при «большом» и «малом» дворами, усиливали противоречия между сыном и матерью, передавая нелицеприятные отзывы и сплетни. Все это не могло не иметь последствий. Один из биографов Павла, Е. С. Шумигорский, отмечал: «Характер великого князя начинал за это время изменяться к худшему: его несдержанность переходила в запальчивость, гнев доходил до бешенства, все реже и реже напоминал он собою прежнего веселого, любезного, остроумного человека, каким знали его во время заграничного путешествия. Привычка скрывать свои мысли и чувства, таить в глубине души истинное свое настроение, это вечное насилие над психической своей природой – были не по силам Павлу: оно расстраивало его нервную систему, и достаточно было иногда самого ничтожного повода, часто незаметного для окружающих, чтобы он проявлял истинные свои чувства тем резче, чем тщательнее и продолжительнее он усиливался скрывать их ранее».

Семья императора Павла. Художник Г. Кюгельхен.

К большим проблемам в жизни наследника постепенно добавлялись нелады в семейной жизни. Он все больше разочаровывался в Марии Фёдоровне, и в 1785 году его внимание обратилось к юной фрейлине, выпускнице Смольного института Екатерине Нелидовой. По свидетельству современников, черты лица ее не были правильны, но она отличалась изяществом, грацией и успехами в танцах. Именно такой запечатлел ее великий художник Д. Г. Левицкий в знаменитой живописной серии «Смолянки». Она обладала тактом, незаурядным умом и сумела привязать к себе наследника до такой степени, что, отправляясь на войну со шведами, он оставил ей записку следующего содержания: «Знайте, что, умирая, буду думать о Вас». Как всегда в подобных случаях, придворные, разделившись на две партии (Марии Фёдоровны и Нелидовой), усиливали конфликт в семье великого князя. В итоге фрейлина приняла решение удалиться от двора и вернуться в Смольный институт. Несмотря на противодействие Павла, она осуществила свое намерение, но по его просьбе посещала Павловск и Гатчину, восстановив хорошие отношения с Марией Фёдоровной и сохраняя влияние на великого князя.

В последние годы жизни Екатерины II при содействии наставника ее внука Александра, швейцарца Фредерика Лагарпа, несколько наладились отношения старших сыновей Павла с отцом. Они стали часто бывать в Павловске и Царском Селе, принимать участие в парадах и учениях, причем Константин с энтузиазмом, а Александр – с видимым равнодушием. Зная о планах матери возвести на престол старшего внука в обход него самого, Павел не мог искренне относиться к Александру, как к очень осторожному в своих поступках человеку и воспитаннику республиканца Лагарпа. В это время планы Екатерины относительно Александра приобретали все более отчетливые очертания. В Петербурге ходили упорные слухи, что 1 января 1797 года будет обнародован манифест о престолонаследии с объявлением Александра наследником престола и заточением Павла в одну из крепостей.

Восшествие на престол Павла Петровича

Еще рано утром 5 ноября 1796 года ничто не предвещало изменений в здоровье императрицы. Некоторое ухудшение ее здоровья, скорее всего, микроинсульт, произошло за шесть недель до этой даты. Тогда, узнав об отказе шведского короля от брака с великой княжной Александрой Павловной, императрица, по свидетельствам очевидцев, на несколько минут потеряла дар речи, но быстро приняла обычный вид и вернулась к привычному общению с собеседниками. Теперь же, после утреннего кофе и начала занятий, она полностью потеряла сознание. Камердинер нашел императрицу лежащей на полу.

Медаль к коронации Павла Петровича.

Далее дадим слово Фёдору Ростопчину, талантливому рассказчику и яркому памфлетисту. Лакеи «с великим трудом перенесли императрицу в спальную комнату, но, будучи не в состоянии поднять тело на кровать, положили на полу на сафьяновом матрасе. Тотчас послали за докторами… К великому князю-наследнику от князя Зубова и от прочих знаменитых особ послан был с извещением граф Николай Александрович Зубов; а первый, кто предложил и нашел сие нужным, был граф Алексей Григорьевич Орлов». Павел, обедавший в этот день с семьей и приближенными на гатчинской мельнице, рассказал за столом о странном ночном происшествии. По его словам, «он чувствовал во сне, что некая невидимая и сверхъестественная сила возносила его к небу. Он часто от этого просыпался, потом засыпал и опять был разбужаем повторением того же самого сновидения». «По окончании обеденного стола, – продолжает Ростопчин, – когда наследник со свитою возвращался в Гатчину, а именно в начале 3-го часа, приехал в Гатчину шталмейстер граф Зубов с каким-то весьма важным известием. Наследник приказал скорее ехать и не мог вообразить себе истинной причины появления графа Зубова в Гатчине. Останавливался более он на той мысли, что, может быть, король шведский решился требовать в замужество великую

княжну Александру Павловну, и что государыня о сем его извещает. По приезде в Гатчинский дворец граф Зубов был позван к нему в кабинет и объявил о случившемся с императрицею, рассказав все подробности. После сего наследник приказал наискорее запрячь лошадей в карету и, сев в оную с супругою, отправился в Петербург, а граф Зубов поскакал наперед в Софию для заготовления лошадей». На всем пути следования кортежа, продолжает свое повествование Ростопчин, непрерывно встречались курьеры от самых разных лиц, спешащих сообщить наследнику уже известную новость: «Не было ни одной души из тех, кои, действительно или мнительно имея какие-либо сношения с окружавшими наследника, не отправили бы нарочного в Гатчину с известием; между прочим, один из придворных поваров и рыбный подрядчик наняли курьера и послали».

Ехавший в одной карете с Павлом Ростопчин оставил образное описание этого путешествия: «Проехав Чесменский дворец, наследник вышел из кареты. Я привлек его внимание на красоту ночи. Она была самая тихая и светлая; холода было не более 3 градусов; луна то показывалась из-за облаков, то опять за нее скрывалась. Стихии, как бы в ожидании важной перемены в свете, пребывали в молчании, и царствовала глубокая тишина. Говоря о погоде, я увидел, что наследник устремил взгляд свой на луну, и при полном ее сиянии мог я заметить, что глаза его наполнились слезами и даже текли слезы по лицу… Вслед за сим он тотчас сел в карету и в 8 с половиною часов вечера въехал в Санкт-Петербург, в котором еще весьма мало людей знали о происшедшем».

После кончины Екатерины II, последовавшей утром 6 ноября, Павел Петрович уже отдавал распоряжения в качестве нового правителя государства и принял присягу от ближайшего окружения. По словам Ростопчина, «император со всею фамилиею в сопровождении всех съехавшихся во дворец, изволил пойти в церковь. Пришедши, стал на императорское место, и все читали присягу вслед за духовенством. После присяги императрица Мария, подошедши к императору, хотела броситься на колена, но была им удержана, равно как и все дети. За сим каждый целовал крест и Евангелие и, подписав имя свое, приходил к государю и к императрице к руке». Императора в первые часы пребывания в новом качестве беспокоил один вопрос: присягнет ли ему граф Алексей Орлов, участник свержения Петра III и напрямую причастный к его смерти. Он послал Ростопчина к Орлову с требованием привести его к присяге. «Его не было во дворце, – заметил Павел, – а я не хочу, чтобы он забывал 28 июня».

Ростопчин нашел бывшего фаворита Екатерины больным в своем дворце и объявил ему о цели приезда и кончине императрицы. «Продолжая плакать, – вспоминал Ростопчин, – он говорил с огорчением насчет того, как мог государь усомниться в его верности; говорил, что, служа матери его и Отечеству, он служил и наследнику престола и что ему, как императору, присягает с тем же чувством, как присягал и наследнику императрицы Екатерины». Завершает свой рассказ о последнем дне жизни императрицы Екатерины будущий руководитель внешней политики Павла и московский генерал-губернатор следующими меланхолическими размышлениями о человеческой природе: «Сколь ни велики были ее дела, а смерть слабо действовала над чувствами людей. Казалось, все были в положении путешественника, сбившегося с дороги, но всякий надеялся попасть на нее скоро. Все, любя перемену, думали найти в ней выгоды, и всякий, закрыв глаза и зажав уши, пускался без души разыгрывать снова безумную лотерею слепого счастья».

Похороны

«По повелению Его Величества назначено перенесение тела покойного государя Петра Фёдоровича из Невского монастыря в Петропавловский собор для погребения с Ее Величеством, и во дворце сего ноября с 15 дня допускаемы будут всякого звания люди опричь мужиков», – так писал 7 ноября 1796 года неизвестный автор своему родственнику в Ярославль. Это потрясшее современников небывалое событие сопровождалось созданием специальной «печальной комисии». Останки Петра III были подняты из могилы и вместе со старым гробом поставлены в «новый сделанный великолепный гроб, обитый золотым глазетом, с гербами императорскими», затем гроб был перенесен в Нижнюю Благовещенскую церковь Александро-Невской лавры, где был открыт, и император к «телу покойного государя изволили прикладываться». В это время из Москвы в большом ящике, покрытом парчой, везли императорские регалии: большую императорскую корону, державу и скипетр.

Ожидалась «сокоронация». 25 ноября короновали одновременно императора и императрицу, что произошло в русской истории впервые. Корону, привезенную из Москвы, доставили в Александро-Невскую лавру в сопровождении огромной свиты. В лавре Павел «возложил корону на гроб своего родителя», на следующий день такая же церемония состоялась над телом императрицы во дворце. Затем 2 декабря тела усопших были выставлены в большой галерее Зимнего дворца, и через три дня состоялась церемония захоронения в Петропавловском соборе. Каждый гроб был поставлен на колесницу из восьми лошадей, первым двигался катафалк Екатерины, затем Петра III, на гробу которого находилась самая важная регалия – императорская корона. Две недели оба гроба находились в соборе для поклонения народа, затем были преданы земле. Надписи на гробницах гласили «Самодержавный… государь Пётр III, родился в 1728 г. февраля 16 дня, погребен в 1796 г. декабря 18 дня». «Самодержавная… государыня Екатерина II, родилась в 1729 г. апреля 21 дня, погребена в 1796 г. декабря 18 дня». По этому поводу спустя несколько десятилетий публицист XIX века Н. И. Греч с иронией заметил: «Подумаешь, что эти супруги провели всю жизнь вместе на троне, умерли и погребены в один день». Павел символично наказал убийц Петра III. Так, при перенесении праха Петра III из лавры во дворец по приказанию нового царя Фёдор Барятинский и Алексей Орлов шли за гробом, причем последний нес императорскую корону. Современники

вспоминали, что, получив этот приказ, граф «зашел в темный угол и взрыд плакал. С трудом отыскали, а еще с большим трудом убедили его взять корону в трепетавшие руки».

Возникает вопрос: зачем Павел Петрович организовал подобную церемонию, которая, по словам его биографа Н. К. Шильдера, «еще недавно не приснилась бы самому смелому воображению»? По мнению современного исследователя М. М. Сафонова, «вырыв из могилы гроб Петра III, не то отравленного, не то задушенного в Ропше и похороненного не без умысла рядом с могилой несчастной правительницы Анны Леопольдовны в голубом мундире голштинского драгуна в скромном гробике, Павел, прежде всего, стремился во чтобы то ни стало не допустить повторения подобных событий в будущем, короновав уже коронованную Екатерину одновременно с неуспевшим короноваться при жизни Петром той же самой короной и почти одновременно. Павел как бы заново, посмертно, обвенчал своих родителей и тем самым, свел на нет результаты дворцового переворота 1762 г. и реабилитировал репутацию покойного, очерненного екатерининской пропагандой, заставив убийц Петра III нести императорские регалии, тем самым, выставив этих людей на публичное посмеяние, Павел хотел как бы сказать всем потенциальным заговорщикам: «Ни одно преступление не останется безнаказанным. Поднявшие руку на своего законного государя рано или поздно будут публично наказаны. Возмездие неизбежно».

Коронация

В день погребения родителей Павел объявил о коронации и осуществил ее 5 апреля 1797 года, в день Пасхи, по традиции в Успенском соборе Московского Кремля. К коронации множество приближенных Павла получили чины, ордена, титулы, новые поместья и тысячи крепостных. Среди тех, кто не был забыт новым императором, оказался и один из братьев друга Павла, Екатерины Ивановны Нелидовой, – Аркадий, – сразу же после смерти Екатерины назначенный Павлом своим флигель-адъютантом с чином подполковника; в день коронации он стал полковником.

Коронация Павла I и Марии Фёдоровны. Художник М. Ф.

Квадаль.

Сама Нелидова получила 23 ноября 1796 года от императора богатый подарок (какой – лишь можно догадываться), но не приняла его, написав Павлу, что в данном случае поступает так, как всегда в подобных случаях. Она подчеркнула, что ценила лишь его дружбу, а его дары всегда были ей «более тягостны, чем приятны». На следующий день Нелидова в изящной форме отказалась от дарованного ей ордена Георгия Победоносца, подчеркнув, что эта награда установлена для лиц, «столько раз проливавших кровь свою за отечество», и согласилась принять лишь звание камер-фрейлины. В сохранившихся последующих письмах просьбы Нелидовой сводились к ходатайствам за различных лиц, несправедливо, по ее мнению, обвиненным. Однако она радовалась маленьким знакам внимания и с удовольствием ела вяземские пряники, присланные ей Павлом во время его путешествия по России. Можно лишь удивляться такому бескорыстию на фоне огромных затрат на прихоти фаворитов, имевших место в предыдущем царствовании.

Ф. В. Ростопчин.

Коронация нового императора и его жены прошла очень торжественно и осталась запечатленной на полотне Мартина Фердинанда Квадаля «Коронация Павла I и Марии Фёдоровны»,

хранящемся ныне в Саратовском художественном музее. На картине Павел, сняв с себя большую императорскую корону, прикасается ею к голове императрицы: в это время он предстает одновременно главой и светской, и церковной власти. Все свое недолгое царствование Павел I придавал особое значение церемониям. Так, и его коронация призвана была выявить божественную природу монаршей власти, не случайной оказалась и сама дата проведения торжеств – Пасха, а в Вербную субботу Павел верхом въехал в Москву, связав это событие со Входом Господня в Иерусалим. В день коронации новый царь прочитал в храме «Акт о престолонаследии», который был им тайно составлен за девять лет до того, в январе 1788 года. Согласно этому документу царская власть передавалась только по мужской линии, и Александр объявлялся наследником престола, «а по нем все его мужеское поколение. По пресечении сего мужеского поколения наследство переходит в род второго моего сына, и так далее, если бы более у меня сыновей было». «Акт о престолонаследии» Павел положил в ковчег и оставил его в алтаре Успенского собора на вечное хранение. Коронационные торжества, как и в прежние времена, сопровождались праздниками и балами, но из-за строжайшего соблюдения этикета они казались современникам утомительными и скучными. Нервозными были и многочисленные парады и смотры войск, собранных в Москве и ее окрестностях, ибо переучиться на новый – гатчинский – манер у солдат и офицеров не было времени, а император был придирчив и строг.

Павел пробыл в Москве чуть больше месяца и третьего мая вместе с императрицей, сыновьями Александром и Константином отправился в путешествие по западным областям России, после чего в начале июня возвратился в Петербург.

Из прежнего, екатерининского, окружения Павел оставил при дворе воспитательницу своих шести дочерей баронессу Шарлотту Карловну Ливен, которая при коронации получила титул графини, также император оставил при дворе Платона Зубова, И. А. Остермана, А. А. Безбородко, почти немедленно отказав от двора Е. Р. Дашковой, Орловым, Ф. Барятинскому и всем тем из участников переворота 1762 года, кто был еще жив. Екатерина Романовна Дашкова, возглавлявшая Российскую академию наук и Санкт-Петербургскую академию, была выслана в свое северное имение, а затем в подмосковную деревню Троицкое. На смену главным действующим лицам предыдущего царствования пришли друзья Павла, преимущественно из его гатчинского окружения: А. А. Аракчеев, Ф. В. Ростопчин, П. А. фон дер Пален, С. И. Плещеев, П. Х. Обольянинов, И. П. Кутайсов, П. В. Лопухин, Г. Г. Кушелев,

братья Александр Борисович и Алексей Борисович Куракины и другие. Платон Зубов, последний фаворит Екатерины, лишь внешне был «прощен» императором, получившим в свое время немало унижений от временщика. Павел, выселив его из дворца, где его апартаменты занял Аракчеев, тем не менее купил ему роскошный особняк. Однако Зубов, перед которым ранее трепетали и раболепствовали придворные, теперь, по воспоминаниям очевидцев, жил в полном одиночестве, «смятении и унынии», его канцелярия была опечатана, а сам он в феврале получил разрешение выехать за границу, что и исполнил.

Отнюдь не либеральными настроениями нового императора объясняются его распоряжения о возвращении из ссылки А. Н. Радищева, освобождении Н. И. Новикова, Т. Костюшко и других поляков, все это делалось из желания действовать во всем наперекор политике матери. Именно этими красками было расцвечено все правление Павла, когда, по словам В. И. Ключевского, «самые лучшие по идее предприятия испорчены были положенной на них печатью личной вражды».

В первые дни царствования Павла произошли серьезные перемены в военном ведомстве. «Гвардия в чинах уничтожена, – писал петербургский житель в частном письме, – гвардии капитаны в отставку выпускаемы будут армии майорами… будут мундиры гвардии переменены на вид прусский, и сказывают, все войско по прежнему обмундированию будет в длинные стриженые волосы. У гвардии офицеров виски обрезаны и косы привязаны к затылку поплотнее… Гвардии офицерам не ездить в шесть и четыре лошади, а парою, да и то в санях. Тоже приметно, что все гвардейские офицеры, не доезжая дворца, выходят из карет и шествуют пешком ко дворцу… Кавалергардам всем позволена отставка в армейские полки и в статскую службу, и на лицо их будет из дворян набрано 800 человек унтер-офицеров; учить будет Его Величество артикулу и екзерциции. Его же Величество каждый день бывает при разводе со своим батальоном и гвардией и со всяким офицером очень ласково обходится и жалует отличных… крестами, и к народу очень ласков». Тот же наблюдатель сообщал об изменении облика столицы: «В городе же с 10 часов вечера ночь должна быть, и чтоб в публичных собраниях разъезжались и нигде не были компании. А ночью ходящие откликаются часовым своим именем и чином…»

Павел Первый – император

Внутренняя политика

Правление Павла Первого, продолжавшееся неполные пять лет, одни историки называли «непросвещенным абсолютизмом» (Н. Я. Эйдельман), другие – «военно-полицейской диктатурой» (М. М. Сафонов), упоминались также определения «русский Гамлет», «романтический император». Однако даже те историки, которые видели в его правлении положительные стороны, подчеркивали, что в период его царствования не было различий между понятиями «самодержавие» и «деспотический режим». Придя к власти в 42 года, сложившимся человеком с устоявшимися представлениями о характере императорской власти и своих задачах, Павел с первых дней правления начал их осуществление.

Платон Зубов.

«Во всех мерах Павла явно прослеживается стремление к ограничению личной свободы подданных, унификация всех сфер жизни, борьба с многообразием мнений, суждений, с правом выбора образа жизни, стиля поведения, одежды и пр., – пишет современный историк А. В. Каменский. – В самой этой возможности Павел видел революционную опасность. С проникновением революционных идей боролись и иным способом – введением цензуры и запретом ввоза книг из-за границы». О последнем сюжете известный литератор середины XIX века П. П. Каратыгин сообщал: «Павел с яростью попирал осколки

якобинизма, принимал эхо за живой голос, тень за живое существо, внешность за внутренность. В первый же год своего воцарения, государь подверг строжайшему преследованию французские моды: фраки, круглые шляпы, пряжки, широкие галстуки, самую обувь. Затем обратил внимание на очистку русскаго языка от иностранных слов, напоминавших недавний переворот во Франции, или наоборот – вводил в употребление новыя иностранныя слова, взамен русских. Так, например, в донесениях на высочайшее имя следовало писать: вместо «степень» – класс, «стража» – караул, «отряд» – деташемент, «общество» – собрание, «гражданин» – купец, или мещанин, и т. д. Соблюдение той же осмотрительности вменено было в неукоснительную обязанность всем литераторам, подчиненным строжайшей, неумолимой цензуре, предварительной и карательной. Книга, или театральная пиеса, дозволенная к представлению на сцене, или к печати, могли быть внезапно запрещены и конфискованы; наоборот, запрещенныя – дозволены. Таковы были отношения цензуры к оригинальным русским сочинениям; понятно, что строгость к иностранным – доходила до невозможного». Для просмотра книг, привозимых из-за границы, назначались цензоры при таможнях в Москве, Петербурге, Риге и Радзивилове – тогда приграничном городке на границе с Австрией. По официальным документам, в течение двух лет (1797–1799) было конфисковано 639 книг, из которых 552 – только при одной рижской таможне.

Эта сторона деятельности Павла отмечена несколькими главными направлениями, тесно связанными между собой: реформой государственного управления, изменениями в сословной политике и военной реформой. В конце XVIII века Россия была аграрной страной, где господствовало крепостное право. Большая часть населения находилась в зависимости от дворян-помещиков или государства и продолжала жить земледельческим трудом. Несмотря на это, в стране уже сформировался капиталистический уклад и крестьяне нередко выступали в двух формах, с одной стороны, как крепостные, а с другой – как вольнонаемные работники на мануфактурах, если помещики переводили их на денежный оброк. Хотя при Екатерине число мануфактур значительно выросло, промышленность была развита сранительно слабо и сосредоточена главным образом вокруг Петербурга, Москвы и на Урале. Однако появился такой феномен, как крестьянские мануфактуры, хозяевами которых являлись капиталистые крестьяне, сами находившиеся в крепостной зависимости, например, у графов Шереметьевых.

П. А. Пален.

Крестьяне в основном делились на три группы: помещичьи, государственные и удельные, то есть принадлежавшие царской семье. Особенно тяжелое существование влачили помещичьи крестьяне: они были полностью бесправны, их можно было продавать, закладывать поодиночке или целыми селами. При Екатерине было упрочено положение дворянства, единственного сословия, имевшего только права (в том числе право не служить) и никаких обязанностей. Благодаря гильдейской реформе было регламентировано положение купечества.

Павел, отвергая внешне все, что было сделано его матерью, тем не менее продолжал укреплять самодержавное государство, но другими методами. При Екатерине особенно усилилось значение генерал-прокурора Сената, в ведении которого оказались многие государственные дела, включая финансы. Только самые деликатные финансовые дела, например, займы на ведение войн, решались императрицей тайно в узком кругу самых доверенных лиц. При Павле генерал-прокурор получил в свое ведение функции руководителя еще не созданных министерств внутренних дел, юстиции и частично финансов. Ряд судебных учреждений был ликвидирован, слиянию подверглись палаты гражданского и уголовного суда. Следствием этих нововведений было усиление роли Сената как судебного органа.

А. А. Аракчеев.

Павел восстановил некоторые из упраздненных матерью коллегий, но заменил их министерствами. Таким образом, принцип единоличного управления пришел на смену коллегиальному. В 1797 году было создано новое министерство уделов, отвечавшее за земли, принадлежавшие царской семье. В 1800 году появилось министерство коммерции. Серьезной перестройке подвергалась система местного управления, созданная Екатериной II. Были ликвидированы должности наместников, обладавшие, по мнению императора, слишком большой властью, уничтожены городские думы; городское сословное управление, раздражавшее Павла видимостью самоуправления, тоже было разрушено.

Л. Л. Беннигсен.

Соответственно усилилась роль органов полиции. Изменилось административно-территориальное деление страны. Вместо 50 губерний появились 41 губерния и Область Войска Донского. При объединении упраздненных губерний были образованы новые гигантские Новороссийская, Малороссийская, Белорусская и Литовская губернии. Некоторые изменения произошли на окраинах страны. Так, в прибалтийских губерниях и на Украине были восстановлены старые органы самоуправления. Исследователи единогласно отмечают противоречивость этих преобразований. С одной стороны, они сосредотачивали власть в руках царя, с другой строны, он опасался, что жестко управлять из столицы огромными окраинными территориями будет непросто. Он также боялся всплеска национальных движений.

Политика в отношении дворянства и крестьянства

Преобразования Павла Первого коснулись также положения дворянства. Этому сословию пришлось расстаться с рядом привилегий, провозглашенных Екатериной в Жалованной грамоте 1785 года. Прежде всего самодержец в день коронации ликвидировал, во всяком случае согласно документам, неограниченное право помещиков на труд крестьян – он ограничил барщину тремя днями в неделю и запретил привлекать крестьян к работам в выходные и праздничные дни. В манифесте говорилось: «Закон Божий в десятословии нам преподанный научает нас седмый день посвящать ему; почему в день настоящий торжеством веры Христианской прославленный, и в который мы удостоилися восприять священное мира помазание и царское на прародительском престоле нашем венчание, почитаем долгом нашим пред творцом и всех благ подателем подтвердить во всей империи нашей о точном и непременном сего закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более что для сельских издельев остающиеся в неделе шесть дней по равному числу оных в обще разделяемыя, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям. Дан в Москве в день Святой Пасхи 5е апреля 1797 года».

Однако реализация норм и идей манифеста о трехдневной барщине изначально была обречена на провал. Неоднозначность редакции этого закона и неразработанность механизмов его реализации предопределили разнообразие мнений правительственных и судебных чиновников страны в вопросах толкования его смысла и содержания и привели к полной несогласованности действий центральных, губернских и местных властей, контролировавших выполнение этого закона. Тем не менее, по мнению крупного исследователя крестьянского вопроса в России В. И. Семевского, «манифест 1787 года имел большое значение, это была первая попытка ограничия повинностей крепостных крестьян, и наше правительство смотрело на него как на положительный закон, несмотря на то, что он не исполнялся». В ряду мер, направленных против некоторых дворянских привилегий, можно выделить объявление в 1797 году смотра всем

числящимся в списках полков офицерам; неявившиеся были отправлены в отставку. Среди них были считавшиеся больными, находившиеся в отпусках и прочие. Из армии были исключены многие высшие сановники, которые, помимо гражданской службы, числились в полках. Дальнейшие репрессии коснулись неслужащего дворянства. Запросив в 1800 году списки таких дворян, Павел распорядился определить их большую часть в военную службу. Для перехода из армии на гражданскую службу требовалось теперь специальное разрешение Сената. Неслужащим дворянам запретили участвовать в дворянских выборах и занимать выборные должности, а затем Павел упразднил и сами дворянские собрания, усилив право губернаторов вмешиваться в дворянские выборы. Были приняты и другие указы, ущемлявшие положение дворян по сравнению с «екатерининской вольницей». Однако историки не склонны видеть во всех этих мерах проявление антидворянской политики. Скорее, по мнению А. Б. Каменского, «в ней прослеживается явное стремление превратить дворянство в рыцарское сословие, дисциплинированное, организованное, поголовно служащее и преданное своему государю». В эту линию вполне укладываются и меры Павла по предотвращению пополнения дворянства лицами иного происхождения. Так, было запрещено производство недворян в унтер-офицеры.

Политика Павла в отношении крестьянства была противоречива. Наряду с манифестом о трехдневной барщине и запретом работы в воскресенье были отменены правила, запрещавшие каждому подданному жаловаться царю. И хотя Павел назначил «приемные дни» и поставил возле дворца специальный ящик для челобитных, который открывал собственноручно, тем не менее такие попытки со стороны крестьян жестко пресекались. Одновременно были запрещены телесные наказания людей, достигших 70-летнего возраста. Казенные крестьяне получили душевые наделы в 15 десятин и особое сословное управление. Обременительная для крестьян хлебная подать была заменена денежным сбором. С крестьян были сняты недоимки общей стоимостью 7 млн рублей. За жестокое обращение с крестьянами царь вменил губернаторам в обязанность без огласки арестовывать виновных и препровождать их в монастырь. В то же время Павел был искренне уверен в том, что крепостному крестьянину живется лучше, чем государственному. Этим можно объяснить тот факт, что за четыре года царствования он передал дворянам около 600 тыс. государственных крестьян, ухудшив их положение, – почти столько же, сколько его мать за 34 года. При этом следует

отметить, что Екатерина дарила фаворитам поместья, либо оставшиеся без хозяина, либо находящиеся на вновь присоединенных территориях. Наряду с мерами, призванными облегчить положение крестьян, принимались указы, полностью им противоположные. В декабре 1796 года был издан указ о закреплении крестьян за частными владельцами в области Войска Донского и в Новороссии, в марте 1798 года – о разрешении заводчикам из купцов покупать крестьян к своим предприятиям с землею и без земли. Были и иные указы, объективно способствующие смягчению крепостнического гнета. В феврале 1797 года была запрещена продажа дворовых и безземельных крестьян с аукциона. В октябре 1798 года объявили о прекращении продажи украинских крестьян без земли. При вступлении императора Павла на престол крепостные крестьяне впервые за много лет должны были приносить присягу, как и свободные люди. В декабре 1797 года с крестьян и мещан была снята недоимка в подушном сборе, отменен назначенный Екатериной рекрутский набор.

Торговля и промышленность при Павле Первом

Делами торговли при Павле занималась Коммерц-коллегия. В этой сфере его правительство, несмотря на некоторые отклонения, в сущности продолжало политику Екатерины II. По мнению императора, сформулированному в одном из указов, «с самого начала царствования нашего простерли мы внимание на торговлю, ведая, что она есть корень, откуда обилие и богатство произрастают». В другом указе читаем: «…Восхотели мы усугубить в недрах державы нашей важную отрасль сию новыми средствами, к распространению ее служащих». В этих целях поощрялось развитие отечественной промышленности, запрещался ввоз ряда иностранных товаров: шелковых, бумажных, льняных и пеньковых тканей, стали, соли и проч. Также с помощью субсидий, привилегий, раздачи казенных заказов отечественные фабриканты поощрялись к производству товаров не только для казны, но и на вольную продажу. Для облегчения уплаты пошлин в 1798 году было велено «в случае недостатка серебряной и золотой монеты, принимать от купцов золотые и серебряные слитки». Губернским властям предписывалось содействовать купцам всеми мерами.

Большой удар русской внешней торговле был нанесен разрывом отношений с Англией, в октябре 1800 г. генерал-прокурору и Коммерц-коллегии было велено «наложить секвестр на все английские товары и суда, в российских портах находящиеся», что тогда же было исполнено. Начавшаяся с конца 1800 г. экономическая борьба России и Англии с каждым месяцем усиливалась, причем наиболее активно вел эту борьбу сам Павел. Уже 19 ноября 1800 г. дано было общее предписание о запрете ввоза английских товаров. Гораздо труднее было противодействовать вывозу русского сырья в Англию. 15 декабря объявили высочайшее повеление, «чтобы со всею строгостью наблюдаемо было, дабы никакие российские продукты не были вывозимы никаким путем и никакими предлогами к англичанам». Отметим, что Англия покупала две трети сельскохозяйственной продукции России, и после прекращения торговых отношений с Англией цены на отдельные виды товаров сельскохозяйственного производства резко упали. Не в пользу России был и торговый баланс в те годы – он пошел резко вниз. Порвав торговый союз с Англией, Россия возобновила торговлю с Францией, здесь также возникли сложности в связи с тем, что основные торговые пути на

Севере и Западе были в руках англичан.

Гораздо существеннее были попытки завоевать азиатский рынок. С этой целью предприняли ряд мер, способствовавших увеличению торговли с Персией, Хивой, Бухарой, Индией и Китаем. В 1798 г. разрешили вывозить в Азию железо, медь, олово, хлеб, иностранную золотую и серебряную монету. Были изданы распоряжения об охране купцов, торговавших в среднеазиатских странах. Интерес к азиатской торговле ослаб после смерти Павла, когда были восстановлены отношения с Англией. Интересное новшество имело место во внешнеторговой области: в 1798 году было создано первое акционерное общество – Российско-американская компания, среди держателей ее акций, помимо купцов, были известные придворные и даже члены царской семьи.

Одним из основных предметов российской торговли являлся хлеб. Когда урожай превышал необходимое количество для внутреннего потребления, правительство открывало порты и таможни для беспрепятственной продажи зерна. Но, как только замечался недостаток в хлебе и цены на него поднимались внутри страны, следовало запрещение вывоза – как для отдельных мест, так и для всего государства. В таком направлении действовала Екатерина II, так же поступал и Павел. К концу 1800 г. правительство в полном согласии с купечеством пришло к выводу о возможности, даже при некотором ограничении хлебного рынка, продавать за границу самый дорогой и наиболее выгодный для сбыта зерновой продукт – пшеницу, которая обычно для питания простого населения не употреблялась. Устройство таможен и выработка тарифов для таможенных пошлин находились в ведении Коммерц-коллегии. В октябре 1797 г. был выработан общий тариф, просуществовавший на протяжении всего царствования Павла. В целом, за некоторыми временными отступлениями в эпоху Александра Первого, в России постоянно действовали покровительственные, а иногда и запретительные тарифы, защищавшие отечественную промышленность и торговлю. Очень важной сферой получения доходов было производство хлебного вина, финансовой стороной этой деятельности ведала Камер-коллегия, восстановленная указом в феврале 1797 г. Ей поручались подряды по поставке вина и откупа по питейным сборам, расчеты по договорам и винокуренные заводы. На Камер-коллегии лежал надзор не только за казенными, но и за частными винными заводами.

Парад при Павле. Художник А. Бенуа.

Промышленностью, как и при Петре Первом, ведали две коллегии: Мануфактур-коллегия и Берг-коллегия. Первая была возобновлена указом 19 ноября 1796 г. При Павле существенных изменений в промышленности не произошло. Правительство придерживалось умеренной покровительственной системы, и на Мануфактур-коллегию была возложена обязанность содействовать благосостоянию и распространению основных форм промышленности – кустарной и фабричной. В связи с повышенным вниманием Павла к военной сфере особое внимание уделялось суконным фабрикам, поставляющим свою продукцию в казну для обмундирования армии. Вообще в царствование Павла фабриканты пользовались определенной поддержкой со стороны правительства. Их привилегии строго охранялись, а всякое притеснение заводчиков наказывалось. Так, известно, когда воронежский полицмейстер вопреки закону ввел постой в доме суконного фабриканта Тулинова, то Павел, узнав об этом, приказал: «Полицмейстера сдать под суд, а Сенату повсеместно предписать властям, чтобы нигде подобных отягощений фабрикантам быть не могло». Заботясь об улучшении промышленности, Мануфактур-коллегия принимает меры к введению машин на фабриках, хотя до промышленного переворота еще было далеко. В апреле 1798 г. получил высочайшее утверждение доклад Мануфактур-коллегии об устройстве около Санкт-Петербурга фабрики для обрабатывания хлопчатой бумаги и шерсти с применением особых машин. Ранее, в 1797 г., в местечке Зуево, известный фабрикант Савва Морозов,

будучи простым ткачом и крепостным крестьянином, основал небольшое мануфактурное производство.

Правительство Павла Первого интересовалось также развитием и усовершенствованием новых текстильных производств, например, шелководства. В 1798 г. главному директору Мануфактур-коллегии князю Н. Б. Юсупову было дано поручение собрать «по шелководству и вообще по части мануфактур верные и достаточные сведения, и представить надежнейшие меры к усовершенствованию и расширению сей важной ветви государственной экономики». Принятые Юсуповым меры действительно способствовали упрочнению этой новой отрасли российской промышленности. Несмотря на успехи отдельных отраслей промышленности, прежде всего легкой, Россия с этого времени, как считают некоторые историки, начала экономически отставать от государств Европы.

В компетенцию Берг-коллегии входил контроль над всеми «горными и монетными делами». Ввиду упадка горного дела при Екатерине II Берг-коллегия цель своей деятельности видела в «приведении в возможное совершенство горные производства, как одну из главнейших отраслей внутреннего благосостояния и внешней коммерции». В обязанности Берг-коллегии входил также поиск новых залежей. Условия эксплуатации горных богатств прежними заводами, открытие новых залежей, упорядочение горнозаводской промышленности, руководство всем делом со стороны одного центрального учреждения, каким являлась Берг-коллегия, все это дало положительные результаты в первые же годы Павловского правления. В 1798 г. казна получила прибыли на 500 тысяч рублей больше, чем в 1796 г.

В области финансовой политики Павел придерживался мнения, что доходы государства принадлежат государству, а не государю лично. Однако в этой сфере его деятельность не была успешной. Не обладая серьезными знаниями в области финансов, он втянул Россию в ряд сомнительных операций с европейскими банками, а колоссальные расходы на армию и войну довершили дело. К моменту смерти императора, по свидетельству современника, в казне оставалось 14 000 рублей.

Военная реформа

И всех мероприятий Павла в области внутренней политики преобразования в военной сфере носили наиболее продуманный характер. И это не случайно. Всю свою жизнь до вступления на престол, живя затворником в Гатчине, он занимался военным делом. Придя к власти, он рассматривал государство как большую Гатчину, насаждая культ муштры и прусские военные порядки. Реформа началась с введения новой формы, полностью копировавшей прусскую: длинный мундир, чулки и черные лаковые башмаки, голова должна быть напудрена, коса – пределенной длины. Офицерам выдали палки с костяными набалдашниками для наказания провинившихся солдат. В декабре 1796 года появился указ, требовавший обучения солдат шагистике. Он копировал прусский устав 1760 года, поэтому боевой военный опыт, накопленный в эпоху Екатерины, в нем не нашел отражения. Появилось и еще несколько подобных указов для отдельных родов войск. Современный военный историк отмечал: «Павел, приступив к искоренению пороков русской армии, не смог отделить дельное от ложного. Боевая практика была несовместима с опереточным обмундированием, которое не выдерживало дождя и ночлега под открытым небом. Военно-балетные па, разучиваемые на плацу, не годились при отражении атак визжащих от ярости янычар, при штурме крепостных стен, в столкновениях с решительной французской пехотой. Павел вместе с водой выплеснул и ребенка – вместе с распущенностью, злоупотреблениями под топор царских приказов пошли и старательно выращиваемые Суворовым и Румянцевым лучшие военные качества русской армии екатерининской поры». «Главным занятием Павла было военное дело, – вспоминал Фёдор Головкин, – и смотрам придавалась такая важность, что все дела в течение дня зависели от их более или менее удачного исхода. Гатчинцы, формированные втайне во время предыдущего царствования, сделались инструкторами и инспекторами всей армии, которой было очень трудно сразу все забыть, что она знала, чтобы учиться тому, о чем она раньше никогда не слыхала. Старейшие генералы подвергались такому обращению, как будто они были школьниками. В свите государя находились лица, которые с трудом держались на лошади. Но ни одной части не приходилось столько страдать, как гвардии… Пришлось переформировать гвардию, а чтобы произвести эту большую операцию успешно и безопасно…, ее начали шпиговать гатчинцами, которые отвечали за все и хорошо исполнили свою

задачу, чему распределение денег и мяса способствовало не менее смотров и ударов».

Другим бедствием петербургских жителей стала страсть императора к церемониям. «С утра до вечера – всегда бывали поводы, чтобы не дать вздохнуть придворным, – продолжал Фёдор Головкин. – Церковные празднества, тезоименитства членов императорской семьи, орденские праздники – все это казалось ему недостаточным. После обеда он отправлялся торжественно в церковь, чтобы принимать от купели всех новорожденных солдатских детей; но скоро это занятие ему надоело… Государеву руку целовали и становились перед ним на одно колено при всяком случае и не так как раньше, только для вида; требовалось, чтобы государь слышал стук колена об пол и чувствовал поцелуй на своей руке. Сколько придворных оказалось под запретом за несоблюдение этих требований». Боязнь ошибиться парализовывала волю людей, от страха они «с приближением момента целования руки, цеплялись друг за друга… в то же время другие приготовлялись к этой чести и громко сморкались, так что от всей этой толпы доносился шум, который приводил императора в ярость». Подобные воспоминания оставил не один Головкин. Меры Павла наряду с бесконечными парадами, увольнениями, ссылками, а иногда и арестами офицеров вызвали в армии большое недовольство – не только в столице, но и в провинции – и были одной из многих причин, приведших к заговору против него. Тем не менее ряд историков отмечают положительные стороны военной реформы Павла. Они подчеркивают, что было введено индивидуальное обучение солдат и улучшено их одержание, разработана стратегия обороны, сформированы четыре армии на основных стратегических направлениях, созданы военные округа и инспекции, осуществлена реформа гвардии, кавалерии и артиллерии, регламентированы права и обязанности солдат и офицеров, уменьшены привилегии генералитета.

Великий магистр Мальтийского ордена

История Мальтийского ордена насчитывает более тысячелетия. Эта монашеская военно-духовная община существовала с XI века. В 1522 году германский император Карл V пожаловал во владение монахам – рыцарям Ордена Св. Иоанна Иерусалимского остров Мальту, откуда и пошло название ордена. Впервые дипломатические отношения с Мальтийским орденом установил Пётр I, они укрепились при Екатерине II в связи с русско-турецкой войной. В это время на Мальту был назначен временный поверенный в делах. В 1789 году на службу в Россию был взят мальтийский кавалер Дж. Литта. На международной арене появляется новая сила – революционная Франция, и стратегия России меняется. Ослабевает папская власть, а владения Мальтийского ордена во Франции изымаются в пользу республики, и со временем Орден оказывается на грани гибели. Во внутиполитической сфере Екатерина II помогает Ордену восстановить права на Волынское приорство, которое после раздела Польши в 1774 году перешло в состав России. Позиции Ордена в России особенно усиливаются при Павле.

Павел в костюме гроссмейстера Мальтийского ордена.

В январе 1797 года император заключил Конвенцию с гроссмейстером Мальтийского ордена, согласно которой в России учреждалось Великое приорство Мальтийского ордена. При этом ему была дарована «полная свобода учреждать и наблюдать в Российской империи свойственные ему уставы». Великому Российскому приорству были присвоены доходы с орденаций

(учрежденных в областях, когда ими владело Польское королевство, то есть до 1794 года) и из российской государственной казны. Часть этих доходов отсылалась в Мальтийское Орденское казначейство на Мальту. В 1798 году Наполеон Бонапарт во время своей экспедиции в Египет захватил остров Мальта. После этого многие рыцари Ордена переехали в Россию, как в последнее для себя место существования в рамках иоаннитского братства… Затем прежний великий магистр был низложен и мальтийские рыцари обратились к императору Павлу I с просьбой возглавить Мальтийский орден. 29 ноября 1798 года император принял звание великого магистра ордена, учредив два Российских Великих приорства – католическое и православное.

Мальтийский орден.

Капитул Ордена был перенесен с Мальты в Петербург и размещен во дворце, где позже располагался Пажеский корпус. Один из предствителей Ордена аббат Жоржель посетил Россию в декабре 1799 – мае 1800 года в составе посольства Великого Германского приорства Мальтийского ордена, направленного к «императору-гроссмейстеру Павлу». Аббат оставил подробные записи о своем путешествии, которые являются ценным источником по истории правления Павла. Многие историки задавались вопросом о причинах повышенного интереса императора к Мальтийскому ордену. Идея покровительства католическому Ордену иоаннитов зародилась, видимо, еще в детстве, когда наследник был замечен одним из своих воспитателей играющим «в гроссмейстера Мальтийского ордена». В юношеские годы Никита Панин давал Павлу читать некие таинственные масонские рукописи. Тогда же известный мистик Плещеев знакомил его с масонскими идеями. «Учение нашло благодатную и уже подготовленную к его восприятию почву в душе, богатой фантазией и воображением», – замечал литературовед и историк Г. И. Чулков. Нельзя не согласиться с современной крупнейшей исследовательницей Екатерининской

эпохи Исабель де Мадариагой в том, что «наверное, нигде в Европе масонство не сыграло такой большой роли в развитии культурной жизни на протяжении целых трех, а то и четырех поколений, как в России». Основная идея масонства в XVIII веке состояла в стремлении к внутреннему самосовершенствованию, масонские ложи получили широкое распространение, в них состояло почти все высшее дворянство. Особые ритуалы, различные системы, разветвленные структуры, таинственная символика, наличие нескольких степеней посвящения – были очень привлекательны. Екатерина II вначале смотрела на масонство, к которому принадлежали столь многие ее придворные, терпимо. Постепенно подозрительность императрицы росла, и она винила их в связях с зарубежным революцинным движением, особенно недовольство императрицы усилилось, когда ей стало известно о попытках привлечь наследника в орден розенкрейцеров. После ареста издателя Н. И. Новикова, имевшего контакты с Павлом, тогда еще великим князем, и ссылки московских розенкрейцеров с масонством, казалось бы, было покончено. Но оно вновь возродилось при Павле Первом. По состоянию на 1 января 1801 года в Великом приорстве Российском (православном) состояли: кавалеры «большого Креста» – 46, командоры «по праву» – 107, командоры с пенсией – 78, командоры почетные – 78, командоры семейные – 237, кавалеры «по праву» – 21, кавалеры почетные – 120. Всего 822 человека.

Историки не пришли к единому мнению относительно принадлежности Павла к какой-либо из масонских лож. Некоторые считают, что во время европейского путешествия «граф Северный» совершил обряд посвящения, другие утверждают, что он был членом масонской ложи Елагина. Наиболее убедительное объяснение интереса Павла к средневековому прошлому предложил Н. Я. Эйдельман. На фоне «якобинской заразы», идущей из Франции, «рыцарская консервативная идея – наперекор «свободе, равенству, братству» вдохновила Павла. «Идея рыцарства – в основном западного средневекового (и оттого претензия не только на российское – на вселенское звучание «нового слова»), – пишет историк, – рыцарства с его исторической репутацией благородства, бескорыстного служения, храбрости, будто бы присущей только этому феодальному сословию». «Замечательное достоинство русского императора – стремление поддержать и оказать честь древним институтам», – записал в 1797 г. Ч. Уитворт, британский посол в России, который впоследствии станет врагом Павла. «Я находил в его поступках что-то рыцарское, откровенное», – скажет

другой, русский современник. Русским Дон Кихотом назовет Павла Наполеон. Таким образом, вторая половина XVIII века создавала объективные стимулы для «павловского проекта», к которым добавлялись и детские впечатления, и европейские влияния. Консервативная рыцарская идея императора преломлялась в обостренном понятии чести, в строгом этикете, в архитектуре столь им любимой Гатчины.

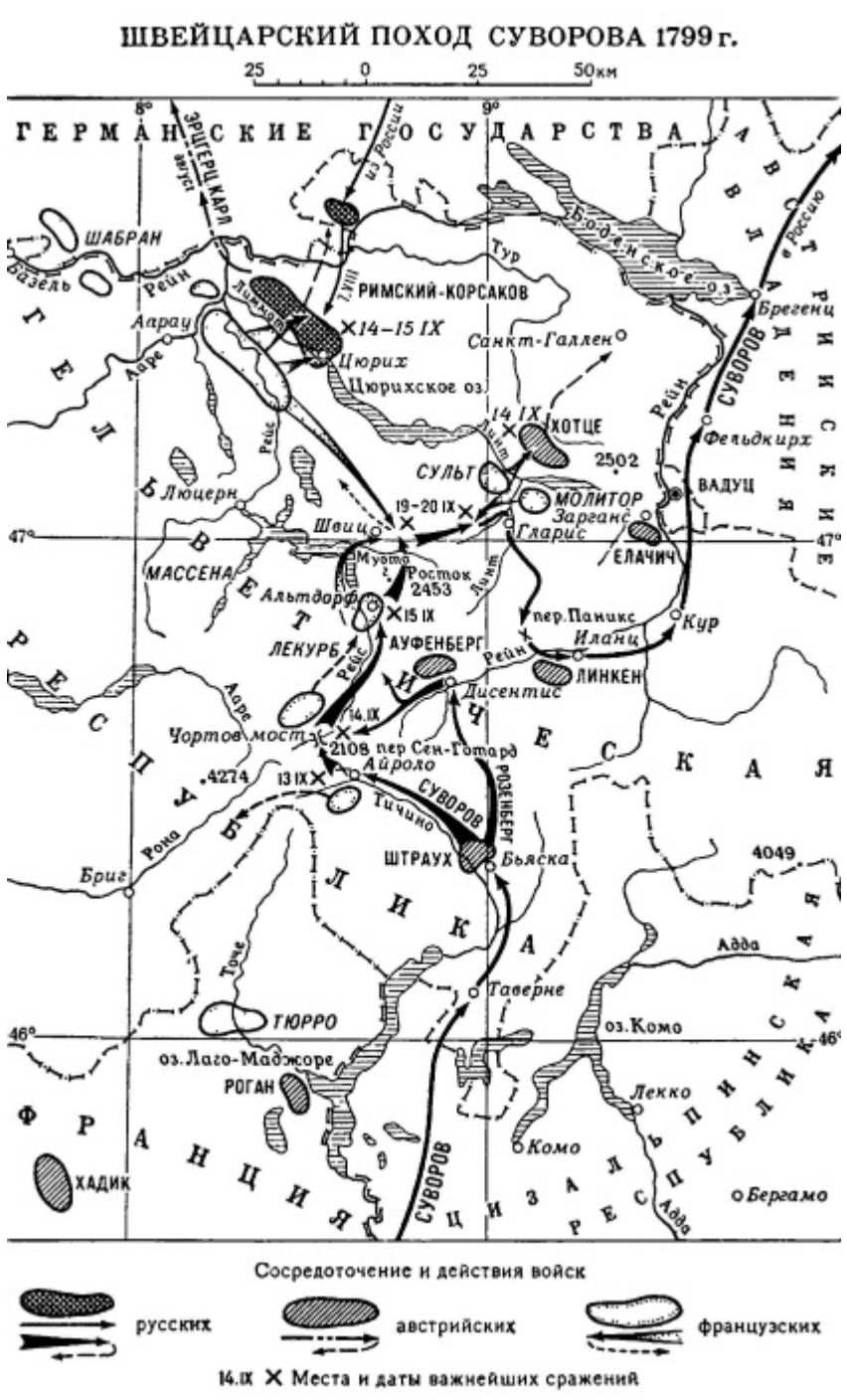
Внешняя политика. Суворовские походы

Как и другие сферы государственной жизни, внешняя политика в эпоху Павла Первого носила непоследовательный характер. Конечно, следует иметь в виду, что в это время на историческую арену выходила колоссальная фигура Наполеона, тогда еще только успешного генерала Французской республики и затем первого консула, с которым в следующем веке России предстояло вести Отечественную войну. В сфере внешней политики Павел получил прекрасное наследие от матери. До сих пор весьма популярны слова одного из «екатерининских орлов» – графа, затем князя Александра Безбородко, руководившего внешней политикой страны после Никиты Панина. Он как-то заметил молодым дипломатам: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела». Фактически это означало признание статуса великой державы. Благодаря победоносным войнам Россия вышла к Черному морю, получила Крым, освоила Новороссию, создала Черноморский флот, значительно расширила свои территории на западе, присоединив Правобережную Украину и другие земли.

Александр Васильевич Суворов.

Павлу предстояло ответить на новые вызовы. «Он делал вид, что он сам желает и может направлять государственный корабль по определенному пути, – писал Чулков. – На самом деле корабль плыл по воле непонятных сил». «Революционная зараза», идущая из Франции, теперь воплощалась в образе Наполеона, стремившегося постепенно утверждать свое господство не только в Европе, но и в Египте. В 1789–1799 годах Наполеон захватил Мальту, Ионические острова, полностью завоевал Северную Италию, создав марионеточные республики, высадился в Египте, но его флот был полностью уничтожен адмиралом Нельсоном в морском сражении при Абукире около Нила в начале августа

1798 года. Наполеон вернулся в Европу и в 1799 году, разогнав нижнюю палату Законодательного собрания – Совет пятисот, – провозгласил себя первым консулом. Это произошло 18 брюмера (9 ноября) по республиканскому календарю.



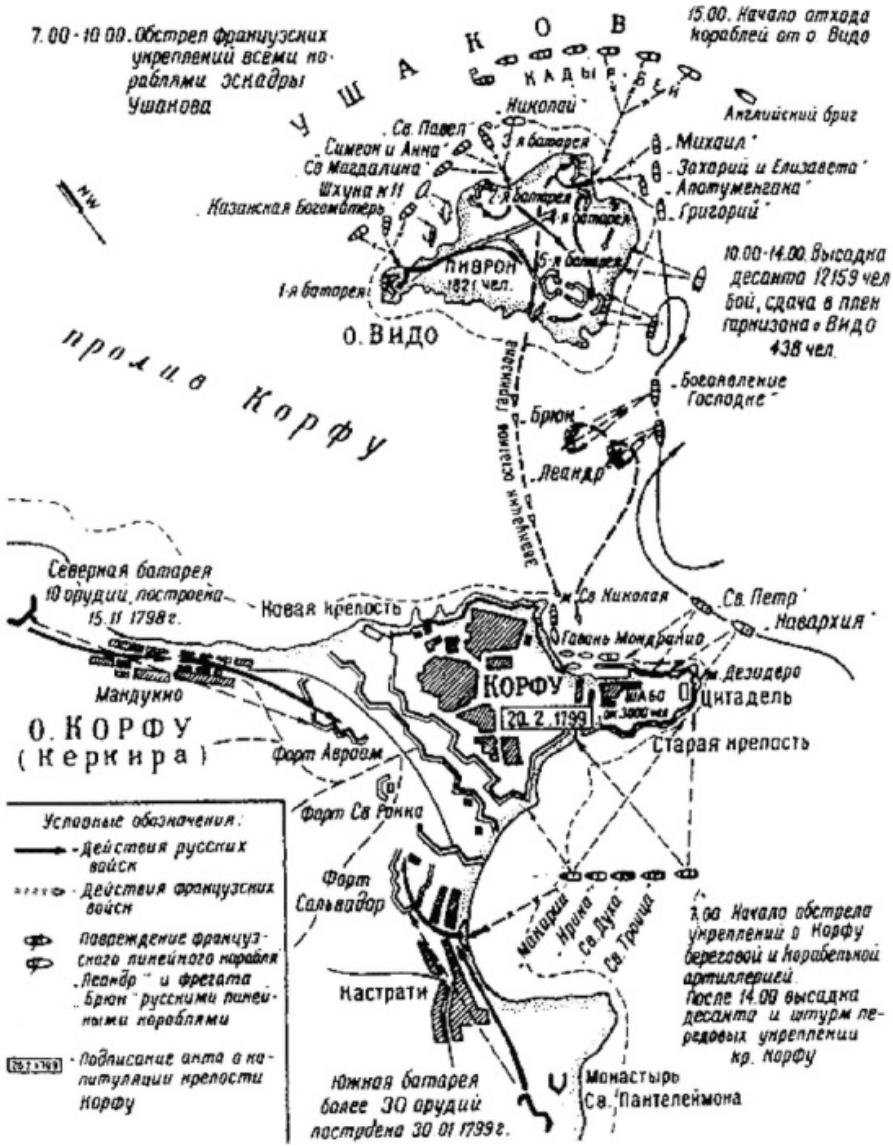
Павел хотел вести политику невмешательства в дела Европы, но он был вынужден вступить в антифранцузскую (вторую) коалицию Англии, Австрии, Турции и Неаполя. Он не любил А. В.

Суворова, но ему пришлось призвать гениального полководца для борьбы с французами. Отношения Павла и Суворова достойны особого внимания. Современный биограф Суворова В. С. Лопатин подчеркивает, что унижения полководца начались почти сразу после вступления императора на престол. В первые дни своего правления, подчеркнем – в мирное время, Павел произвел в фельдмаршалы восемь человек, тогда как за все 34-летнее правление Екатерины фельдмаршалами стали только пять человек, включая Суворова. «Фельдмаршал понижается», – заметил полководец. Далее последовали новые выражения недовольства, закончившиеся в феврале 1797 года отставкой от службы и ссылкой в глухое имение на границе Новгородской и Тверской губернии под надзор чиновника. Тем временем союзная коалиция терпела новые поражения от Бонапарта, и России пришлось к ней присоединиться. Военные действия сосредоточились в Италии и Средиземном море, куда направились флоты России и Англии. Русский флот под командованием Ф. Ф. Ушакова осенью 1798 года через Босфор и Дарданеллы вошел в Средиземное море, затем в Адриатическое, где от французских войск были освобождены Ионические острова. Ушаков штурмом овладел крепостью на острове Корфу – главной базой французов. Греческое население с воодушевлением встретило освободителей. В следующем, 1799 году Ушаков освободил Неаполь, где произошла монархическая реставрация, сопровождавшаяся кровавым террором против друзей Франции, а затем совершилось и падение республики в Риме.

Марш Суворова через Сен-Готард. Художник А. Коцебу.

Суворов, все это время живший в своем имении, получил в феврале 1798 года распоряжение Павла прибыть в Петербург. Началась дуэль характеров. Суворов ехал нарочито медленно по проселочным дорогам и на своих лошадях. Павел нетерпеливо каждый день интересовался о его прибытии. Впоследствии племянник фельдмаршала князь Горчаков рассказал о встрече императора и Суворова. Несмотря на позднее время прибытия полководца, Горчаков выполнил распоряжение и тотчас поехал с докладом во дворец. На следующий день после утренней прогулки император принял Суворова и беседовал с ним более часа, опоздав даже к утреннему разводу войск, чем крайне удивил свое окружение. Приглашенный на эту церемонию полководец был невнимателен, отворачивался от проходивших взводов, шутил, и, хотя Павел старался обратить его внимание на введенную им дисциплину, Суворов заявил генералам: «Не могу, брюхо болит», – и уехал, пренебрегая этикетом. Он явно издевался над новым обмундированием, нарочито застрял в каретной дверце, уверяя, что ему мешает шпага, прикрепленная на прусский манер. Не умея будто бы справиться с плоской шляпой, он ее уронил к ногам императора. Несмотря на требования императора объяснить свое поведение, давал уклончивые ответы, а племяннику с раздражением заметил: «Инспектором я был в генерал-майорском чине, а теперь уже поздно опять идти в инспекторы. Пусть сделают меня

главнокомандующим, да дадут мне прежний мой штаб, да развяжут мне руки, чтобы я мог производить в чины, не спрашивая… Тогда, пожалуй, пойду на службу. А не то – лучше назад в деревню; я стар и дряхл, хочу в монахи!» – и прочее в том же духе. В течение трех недель Павел неоднократно приглашал Суворова к столу, встречал на разводе и милостиво с ним обращался. Однако, если разговор касался возвращения на службу, тот жаловался на лета и слабость здоровья. Посредником между императором и Суворовым выступал князь Горчаков, который должен был ездить к Суворову и привозить от него «ответы своего собственного вымысла, ибо никогда не мог он передать те речи, которые в самом деле слышал от дяди». Наконец фельдмаршал получил разрешение снова покинуть столицу.



По прошествии года, когда успехи антифранцузской коалиции на суше замедлились, Павел по настоянию союзного венского кабинета вызвал Суворова из деревни, чтобы поручить ему наконец руководство армией. Император, обращаясь к полководцу, писал следующее: «Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, известие о настоятельном желании Венского двора, чтоб Вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мои корпуса Розенберга и Германа идут. И так по сему и при теперешних европейских обстоятельствах долгом почитаю не от своего только лица. Но от лица и других

предложить Вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Вену». Ростопчин сообщал, что Павел, прочитав просьбу венского кабинета о приглашении Суворова в качестве главнокомандующего союзными войсками, заметил: «Вот русские – на все пригождаются, радуйся!» Возможно, существовало и еще одно письмо императора Суворову, о котором также рассказал Ростопчин. Император якобы написал: «Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитываться: виновного Бог простит. Римский император требует Вас в начальники своей армии и поручает Вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а Ваше – спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы Вашей времени, а у меня удовольствия Вас видеть». Генерал-фельдмаршалу Суворову объявлены были разные милости, и сам Павел возложил на него с подобающей церемонией Большой крест Святого Иоанна Иерусалимского. Однако Павел по-прежнему не доверял полководцу и просил генерала Германа следить, чтобы тот не слишком увлекался своим воображением и не предавался порывам «воина, поседевшего под лаврами».

Суворов немедленно отправился на театр военных действий. В Итальянском походе войска под его командованием в течение пяти недель очистили от французских войск Северную Италию и триумфально вступили в Милан и Турин. Тем не менее успешными действиями Суворова были недовольны австрийские союзники, претендовавшие на Северную Италию. Павел распорядился перебросить войска Суворова в Швейцарию на соединение с корпусом генерала Римского-Корсакова и австрийской армией. После соединения предстояло начать наступление на французские территории. Во время перехода русская армия должна была вытеснять французов из захваченных земель. Начало похода задержалось на десять дней, союзники никак не могли обеспечить русскую армию всем необходимым. Не было ни продовольствия, ни боеприпасов, ни соответствующей одежды. Помочь успешно завершить Швейцарский поход Суворову должен был его опыт и воинский талант. Русский полководец выбрал самый короткий маршрут похода, он же был и самым трудным. Русские взяли перевал, а на другой день смогли перейти Чертов мост. Это был очень опасный маневр. Французы считали, что перейти через мост невозможно, и не предприняли мер предосторожности. Тем временем австрийцы сняли часть своего войска и отправили в Бельгию. Корпус Римского-Корсакова был разбит, его остатки смогли выбраться из окружения, потеряв обоз и артиллерию.

Армия Суворова тоже попала в окружение, и у солдат

оставалось два пути: победить или погибнуть. Армия устала, остро не хватало продовольствия. Но благодаря мужеству и смелости русских солдат, а также гению Суворова удалось выйти из окружения. Через горы полководец сумел вывести в Австрию 15 тысяч русских солдат и офицеров, 1500 пленных. После Швейцарского похода Суворов получил титул князя Италийского и высший воинский чин генералиссимуса и был отозван в Россию. Он возмущался поведением австрийских властей и негодовал: «Вместо Франции, благодаря неумелым действиям Австрийского правительства, погрязшего в коварстве, мы отправились домой…» Вскоре полководец вновь оказался в опале. В 1800 году он умер.

Император и первый консул

Одна из особенностей дипломатии как искусства, возможно, состоит в гибкости в выборе союзников и заключении договоров. Вчерашние друзья могут стать врагами и наоборот. Так, после суворовских побед Павел, разочаровавшись в своих союзниках, главным образом, в Австрии, а отчасти и в Англии, вышел из коалиции и войны, которая вскоре прекратилась. По обоюдному желанию Павла и первого консула Бонапарта началось сближение России и Франции. Постепенно, по мере укрепления единоличной власти, первый консул все больше и больше отходил от образа якобинца, которым на самом деле он никогда не был. Ища союзников для борьбы с Англией, он все больше обращал свои взоры на Россию. Наполеон понимал, что определяющим фактором в дальнейшем развитии ситуации будет являться участие или неучастие в войне России. Император Франции открыто писал о том, что во всем мире есть только один союзник для Франции – это Россия. Наполеон явно искал союза с русскими. 18 июля 1800 года французское правительство объявило о том, что оно готово вернуть в Россию всех военнопленных общей численностью 6 тысяч человек, – заново экипированных, с оружием и знаменами. Павел Первый верно оценил этот дружественный жест Франции и пошел на переписку и затем на сближение с Наполеоном. Новый курс облегчался еще и тем, что консулы Франции объявили революцию законченной, и Павел был доволен тем, что «безначалие заменилось консульством».

Император потребовал, чтобы территорию России покинул двор Людовика XVIII и сам изгнанный французский король. После этого во Францию была направлена русская делегация. В результате впервые стали четко проглядываться контуры возможного союза между Россией и Францией.

В это время англичане начали активно действовать с целью удержать Павла I от союза с Наполеоном. Они предлагали россиянам вновь заключить союз против Франции. При этом условия союза были настолько унизительны, что Павел Первый еще больше склонился к идее дружбы с Францией. Англичане же предлагали России политику невмешательства и требовали, чтобы русские войска захватили Корсику, родину Наполеона. Шаги англичан только упрочили союз России и Франции.

Наполеон – первый консул. Художник Ф. Жерар.

Павел, который до этого времени еще сомневался, окончательно согласился с планом Наполеона, который предлагал объединить силы и вместе захватить Индию, колонию Англии. Захват Мальты англичанами разгневал Павла, который гордился титулом великого магистра Мальтийского ордена. Он спешно порвал дипломатические отношения с Лондоном и вошел в альянс с Наполеоном, который еще в 1797 году заявлял о намерении нанести удар по Британской Индии. Предполагалось, что обе державы для этого похода выставят по 35 тысяч человек. 12 января 1801 года российский император отдал приказ о выдвижении донских казаков под предводительством казачьего

атамана Василия Орлова к Оренбургу и далее – по направлению к Индии. Поход был совершенно не подготовлен, и многим он казался прихотью самодержавного безумца. Английское правительство, стремясь изменить ситуацию и избежать войны с Россией, было в курсе подготавливаемого заговора против Павла через посланника в Петербурге, лорда Ч. Уитворта, и едва ли не субсидировало его. За несколько дней до убийства Павла во Франции неизвестный пытался взорвать карету Наполеона. Первый консул выжил, но в последующем писал, что заговорщики промахнулись по нему в Париже, но попали в Петербурге. После убийства Павла вступивший на престол Александр Первый отказался от планов отца по союзу с Францией. Одним из первых указов нового царя Александра Первого был рескрипт о приостановке похода казаков в Индию, они были возвращены в Россию.

Михайловский замок

Этот причудливый дворец в Петербурге, выходящий одним из фасадов на реку Фонтанку, сыграл в судьбе императора роковую роль. Строительство дворца началось сразу после вступления его на престол и продолжалось до 1800 года. Император поселился во дворце за сорок дней до убийства. Почему возникла мысль построить новую царскую резиденцию? Павел не хотел жить в Зимнем дворце, связанном с именем матери, к тому же плохо защищенном. Подозрительный человек, которому везде мерещились заговоры, хотел построить не дворец, а неприступный, почти средневековый замок, окруженный водой. Место было выбрано не случайно, именно здесь находился Летний дворец императрицы Елизаветы Петровны, возведенный архитектором Бартоломео Растрелли в 1741–1744 годах. Здесь 20 сентября 1754 года Павел Петрович появился на свет. Со временем Елизавета стала реже бывать в Летнем дворце, отдавая предпочтение Царскому Селу. Дворец постепенно ветшал. Сначала он был передан Григорию Орлову, потом Григорию Потёмкину.

Михайловский замок. Современный вид.

В 1796 году Летний дворец был сломан и на его месте началось строительство замка. Существует несколько легенд,

почему было выбрано именно это место. Согласно одной из них император, будучи человеком мистически настроенным и обладавшим определенным даром предвидения, пожелал умереть там, где был рожден. Согласно другой легенде солдату, стоящему на карауле, явился архангел Михаил. М. И. Пыляев в своем сочинении «Старый Петербург» так описывает это явление: «Однажды солдату, стоявшему в карауле при Летнем дворце, явился в сиянии юноша и сказал оторопевшему часовому, что он, архангел Михаил, приказывает ему идти к императору и сказать, чтобы на месте этого старого Летнего дворца был построен храм во имя архистратига Михаила. Солдат донес о бывшем ему видении по начальству, и когда об этом доложили императору, он ответил: «Мне уже известно желание архангела Михаила; воля его будет исполнена». Вслед за этим он распорядился о постройке нового дворца, при котором должна быть построена и церковь во имя архистратига Михаила, и самый дворец было приказано называть Михайловским замком. 28 ноября 1796 года, в первый месяц своего восшествия на престол, император Павел издал указ: «Для постоянного государева проживания строить с поспешанием новый неприступный дворец-замок. Стоять ему на месте обветшалого Летнего дома». Руководил строительством Винченцо Бренна, архитектором был известный масон Василий Иванович Баженов. Павел сам набросал несколько рисунков будущего дворца.

Михайловский замок. Современный вид.

«Михайловский замок стоит в нашей северной столице

особняком, как Эскуриал в Мадриде, – писал мастер психологического портрета Г. И. Чулков. – По стилю подобных ему зданий нет, но от него, однако, веет своеобразной и мрачной прелестью. Сам император влиял на труды зодчих. Это здание проникнуто его меланхолией. Странное барокко исполнено неожиданной силы и суровой красоты». Церемония торжественной закладки состоялась 26 февраля 1797 года. На закладном камне была высечена надпись: «В лето 1797-е, месяца февраля в 26 день, в начале царствования государя императора и всея России самодержца Павла Первого, положено основание зданию Михайловского замка его императорским величеством и супругою его государынею императрицею Мариею Феодоровною». Здание строилось очень быстро с тем, чтобы вчерне замок был готов в этом же, 1797 году. Работы не прекращались ни днем, ни ночью. В темное время суток строительная площадка освещалась светом факелов и костров. Ежедневно на строительстве было занято от 2500 до 6000 человек, не считая надзирателей и мастеров. Было выделено 791 200 рублей единовременно и по 1 173 871,10 рубля в течение трех лет. При нехватке строительных материалов были разобраны каменные галереи дворца в Пелле. Кроме того, мрамор и камни строящегося в то время Исаакиевского собора также пошли на возведение Михайловского замка.

Освящение Михайловского замка и церкви при нем состоялось 8 ноября 1800 года. Замок был великолепен. Он напоминал палаццо эпохи Возрождения. Его окружали рвы с перекинутыми через них подъемными мостами. Фасады были украшены мраморными статуями, позже перенесенными в Зимний дворец. В плане замок четырехугольный, внутри три двора: главный – восьмиугольный, выходящий к Фонтанке – пятиугольный, обращенный в сторону Царицына луга (Марсова поля) – треугольный. В главный двор через Воскресенские ворота дозволялось въезжать лишь членам императорской фамилии и посланникам. Все фасады Михайловского замка разные. По преданию, красноватый цвет, в который выкрашены стены, выбран не случайно. На одном из балов фрейлина, будущая фаворитка Павла Анна Гагарина (Лопухина), выронила перчатку такого цвета, император поднял ее и, восхитившись колером, отправил составителю красок для образца. Тогда же многие петербуржцы стали красить свои дома в такой цвет. По другой версии, это цвет Мальтийского ордена. На главном карнизе выбита надпись: «Дому твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней». По легенде, императору было предсказано, что он проживет столько лет, сколько букв в этой надписи. Так оно и

случилось – император погиб на сорок седьмом году жизни. Перед одним из фасадов Михайловского замка был установлен памятник Петру Первому работы скульптора Растрелли с подписью: «Прадеду правнук 1800 г.» Отделка парадных покоев была великолепна, однако, по свидетельству современников, в замке было множество переходов, лестниц, проходов, что создавало большие неудобства. Кроме того, ввиду той поспешности, с которой велись работы, в Михайловском замке ощущалась сильная сырость. Так, Пыляев отмечает: «По рассказам современников, следы разрушающей сырости в большой зале, в которой висели картины, несмотря на постоянный огонь в каминах, виднелись в виде полос льда сверху донизу по углам и потолку. Настолько был сыр дворец, что в первый раз, когда император дал в нем бал, в комнатах стоял такой туман от зажженных восковых свечей, что везде была густая мгла, и тысячи свечей мерцали, как тусклые фонари на улице. Гостей можно было с большим трудом различить в конце каждой из зал; они как тени двигались в потемках. Все дамские наряды и уборы отсырели, и в полутьме казались одного цвета. Дворец для всех был крайне неудобен, беспрестанно было нужно проходить по коридорам, в которых дул сквозной ветер». Пыляев отталкивался в своем описании Михайловского замка от разных документов, в том числе от наблюдений Августа Коцебу. «Ничто не могло быть вреднее для здоровья, как это жилище, – писал немецкий литератор, служивший в это время в Петербурге. – Повсюду видны были следы сырости, и в зале, в которой висели большие исторические картины, я видел своими глазами, несмотря на постоянный огонь в двух каминах, полосы льда в дюйм толщиной и шириной в несколько ладоней, тянувшиеся сверху донизу по углам». Однако Павел буквально влюбился в свой замок. Когда императрица Мария Фёдоровна преподнесла ему в дар сервиз с видами Михайловского замка, он прослезился. Однако император прожил здесь совсем недолго – всего 40 дней.

Посетивший Россию в декабре 1799 – мае 1800 года в составе посольства Великого Германского приорства Мальтийского ордена аббат Жоржель оставил свои впечатления от Михайловского замка: «Снаружи этот дворец представляет правильный квадрат; его основание держится на сваях; фундамент – из огромных гранитных глыб. Фундамент этот, в пять-шесть футов вышиной, заключает сводчатые подземелья с отдушинами; первый этаж – тоже со сводами; второй довольно высок; третий похож на антресоли с маленькими широкими окнами в виде арок; крыша – итальянской архитектуры, крытая медными листами, она увенчана лепным карнизом, на котором

виден вензель Павла Первого в русском стиле, над карнизом сделана мраморная балюстрада, на которой поставлены статуи и военные трофеи».

«Маленький двор представляет правильный восьмиугольник, – продолжал наблюдательный мемуарист, – туда нельзя въехать ни в экипаже, ни верхом; чтобы достичь главного входа, который пестрит орнаментами, надо миновать три подъемных моста; несколько мраморных ступеней ведут к большому вестибюлю, выложенному разноцветным мрамором; в этом вестибюле находится большая великолепная лестница из серого мрамора с двойными перилами, ступени которой, из цельного куска, имеют двенадцать футов в длину. Эту лестницу поддерживают круглые и квадратные колонны из цельного гранита, каждая два с половиною фута в диаметре и пятнадцать – восемнадцать футов вышины; восьмиугольный двор не имеет другого выхода, кроме большой двери, ведущей в вестибюль, но из дворца можно спуститься на террасы, окружающие дворец, через несколько дверей – средняя дверь выше и лучше отделана, чем остальные, и выходит на канал Фонтанку. Дворец этот окружен водою; рвы облицованы гранитом; высокие мраморные колонны, образующие выступ в середине фасада, чрезмерно тонки; окна главного этажа слишком узки и недостаточно высоки, они не изящны и не пропорциональны, и по общему наружному виду этого дворца нельзя сказать, что это величественные царские покои… Зеркальные стекла окон вставлены в медную золоченую оправу; там можно найти порфировые камины, столы из ляпис-лазури, замки из золоченой бронзы. Это здание может поразить знатоков архитектуры, но не вызовет в них восторга; они пожалеют, что такие затраты были сделаны не на сооружение дворца, более достойного восхищения. Один итальянец назвал его феноменом – это подходящее слово для обозначения этого странного здания: редко можно найти такое соединение роскоши и безвкусицы. Снаружи дворец больше всего походит на Бастилию.

Анна Петровна Лопухина. Художник В. Л. Боровиковский.

Перед подъемными мостами, через которые входят во дворец…, с двух сторон широкой дороги выстроены два павильона с колоннадой; они предназначены для статс-дам и фрейлин. Генералитет будет занимать нижний этаж замка. Шпиль императорской часовни очень высок и покрыт так же, как на Адмиралтействе, червонным золотом. Эта часовня богато украшена и посвящена Михаилу Архангелу. Дворец называется Михайловским… Сад этого дворца представляет обширное место,

окруженное стеной семь-восемь футов вышины. Там построены большие и просторные здания для теплиц, оранжерей и зимних садов». Современные исследователи склонны видеть тесную связь религиозных воззрений Павла и образной структуры Михайловского замка. «По всему складу своей натуры, моральным устоям и характеру умственных интересов Павел с его глубокой религиозностью, романтическим пристрастием к средневековому рыцарству, душевной экзальтированностью не мог не принимать близко к сердцу духовно-нравственных исканий масонства и мистических настроений его идеологов», – писал А. Г. Тартаковский. Л. В. Хайкина считает, что есть некоторые основания предполагать, что мысль посвятить замок Архангелу Михаилу могла возникнуть у императора под впечатлениями от неосуществленного В. И. Баженовым проекта Кремлевского дворца, чертежи которого были широко представлены в библиотеке Павла. Автор подчеркивает, что генезис и природу архитектуры Михайловского замка определяли не только художественные устремления, но и религиозно-философское сознание эпохи.

Ко времени переселения императора в замок в его личной жизни происходила тяжелая драма. Под воздействием ряда причин он удалился от Марии Фёдоровны. Постепенно многое в ее поведении стало раздражать Павла. Императрица приближала французских эмигрантов, выходцев из Германии, оценивала многие политические моменты, «исходя из мелочных соображений семейного характера», – пишет биограф Павла Е. С. Шумигорский. Мария Фёдоровна «вмешивается во все дела, окружает себя немцами и позволяет обманывать себя нищим» (эмигрантам), – шептались в окружении Ф. Ростопчина. Здоровье императрицы пошатнулось после рождения девятого, последнего ребенка – великого князя Михаила врачи посоветовали ей не иметь больше детей, рекомендовали тихую уединенную жизнь в Павловске. Интриганы, представлявшие разные партии при дворе, вносили свою лепту в семейные проблемы. Павел не забывал, что Екатерина в свое время пыталась использовать Марию Фёдоровну в попытках лишения его права на престол, популярность императрицы, связанная с ее благотворительной деятельностью, также начинала его беспокоить. Придворные знали о некорректном обращении Павла с женой, обострявшем общее раздражение. Отношения с Нелидовой, которая стала поддерживать партию Марии Фёдоровны, ушли в далекое прошлое.

На таком фоне, находясь в Москве, император обратил внимание на красивую брюнетку – девятнадцатилетнюю дочь

сенатора Лопухина Анну Петровну. Этой симпатией воспользовалась придворная партия с графом Кутайсовым во главе, враждебная императрице Марии Фёдоровне и Е. И. Нелидовой и желавшая заменить последнюю своей ставленницей. Павлу I представили молодую девушку сильно в него влюбленной, что еще больше усилило его чувство к ней. Узнав о подготавливаемом переезде Лопухиных в Петербург, императрица написала Анне Петровне письмо с советом оставаться в Москве. Письмо это дошло до сведения Павла I и вызвало его сильнейшее негодование. Последовала серия увольнений, по приказанию Павла семья Лопухиных переехала в Петербург. Там Анна Петровна, щедро облагодетельствованная императором и назначенная камер-фрейлиной, вышла замуж за друга детства, князя П. Г. Гагарина, сохраняя отношения с императором, который видел в ней свою последнюю любовь. Он открыто выражал свое чувство к ней: ее именем назывались корабли («Благодать» – русский перевод еврейского имени Анна), ее же имя красовалось на знаменах гвардии. Красный цвет, любимый Лопухиной, стал любимым цветом Павла, а значит, и двор стал отдавать ему предпочтение. Чтобы удовлетворить страсть Лопухиной к танцам, император часто давал балы. Она любила вальс, и этот танец, прежде запрещенный при дворе, благодаря ей был снова введен в моду. Так как обычный придворный костюм мешал Лопухиной танцевать и она находила его недостаточно элегантным, то император отменил его, чем очень огорчил императрицу. Графиня В. Головина так описывала царскую фаворитку: «Лопухина имела красивую голову, но была невысокого роста, дурно сложена и без грации в манерах; красивые глаза, черные брови и волосы того же цвета, прекрасные зубы и приятный рот были ее единственными прелестями; небольшой вздернутый нос не придавал изящества ее физиономии. Выражение лица было мягкое и доброе, и действительно Лопухина была добра и неспособна ни желать, ни делать чего-либо злого, но в то же время она была недальнего ума и не получила должного воспитания». Ей были отведены апартаменты во дворце, затем в Михайловском замке, куда вела потайная дверь из комнат императора.

Заговор и цареубийство

К началу нового, XIX века недовольство политикой императора в России стало принимать угрожающие для него размеры. Им были недовольны рядовые дворяне, придворные и, самое опасное для него, войско. Реформы в армии, уничтожавшие традиции побед эпохи Екатерины, когда везде звучал неофициальный гимн на слова Г. Р. Державина «Гром победы раздавайся, веселися, храбрый Росс!», приводили к всеобщему глухому ропоту. Деспотизм военоначальников типа А. А. Аракчеева также вызывал сопротивление. В литературе известна попытка суворовских офицеров создать в провинции – в Смоленской губернии тайное общество, направленное против павловских порядков. В 1797 году полковник Каховский, родной брат по матери будущего героя Отечественной войны Алексея Петровича Ермолова, предлагал Суворову поднять армию против засевших в Петербурге гатчинцев и двигаться на Петербург. А. П. Ермолов вспоминал о предложении, сделанном братом Суворову, перестать повиноваться Павлу и использовать против него свои войска. На что полководец перекрестил рот собеседника и сказал: «Молчи, молчи, не могу, кровь…» Тайное общество было разгромлено, одних сослали, других лишили чинов и дворянства и разослали по крепостям. После прихода к власти Александра Первого они были амнистированы.

Произвол, царивший в стране, уже пережившей екатерининскую «законную монархию», неуверенность в завтрашнем дне, капризность и вздорность императора, его указы, ограничивающие личные свободы, вызывали все большее негодование. Чего стоили, например, требования выходить из кареты в любую погоду и кланяться при встрече с каретой императора. По столице ходило множесто анекдотов о его странных поступках. Так, однажды император вызвал к себе петербургского почтмейстера И. Б. Пестеля, отца будущего декабриста, и обрушился на него за то, что тот пропустил французскую газету, в которой говорилось, что Павел велел отрезать уши известной актрисе Шевалье. Известный мемуарист Н. И. Греч воспроизвел следующий диалог: «Как вы, милостивый государь мой, посмели пропустить газету, в которой сказано, что я приказал отрезать уши мадемуазель Шевалье?»

Табакерка Зубова.

Пестель уже ясно увидел голубые сибирские дали, но не потерял самообладания, и подчеркнуто спокойно ответил: «Ваше величество, я полагал, что это есть наилучший способ изобличить иностранных вралей. Любой читатель газеты может сим же вечером убедиться, что уши у мадемуазель Шевалье на своем месте. Ему надобно только съездить в театр». Павел рассмеялся, велел Пестелю взять из кабинета бриллиантовые серьги и отвезти их мадемуазель Шевалье. «Скажи ей от моего имени, – добавил император, – чтобы надела перед выходом на сцену».

«С 1799 года, – пишет известный политик польского происхождения, близкий ко двору, Адам Чарторыйский, – Павла стали преследовать тысячи подозрений: ему казалось, что его сыновья недостаточно ему преданы, что его жена желает царствовать вместо него. Слишком хорошо удалось внушить ему недоверие к императрице и к его старым слугам. С этого времени началась для всех, кто был близок ко двору, жизнь, полная страха, вечной неуверенности».

В обществе все больше стали распространяться слухи о сумасшествии Павла. Особое недовольство вызывала внешняя политика императора, квалифицированная как предательская по отношению к национальным интересам страны. Вспомним о сближении с наполеоновской Францией и разрыв отношений с Англией. Не забудем и о роли Англии в подготовке заговора против Павла. Нельзя не отметить как второстепенные, но получавшие широкую огласку факты непротокольного поведение царя с дипломатическими представителями разных стран. Заговорщики, умело манипулируя настроениями членов семьи императора, постоянно внушали им мысль об угрозе заточения в

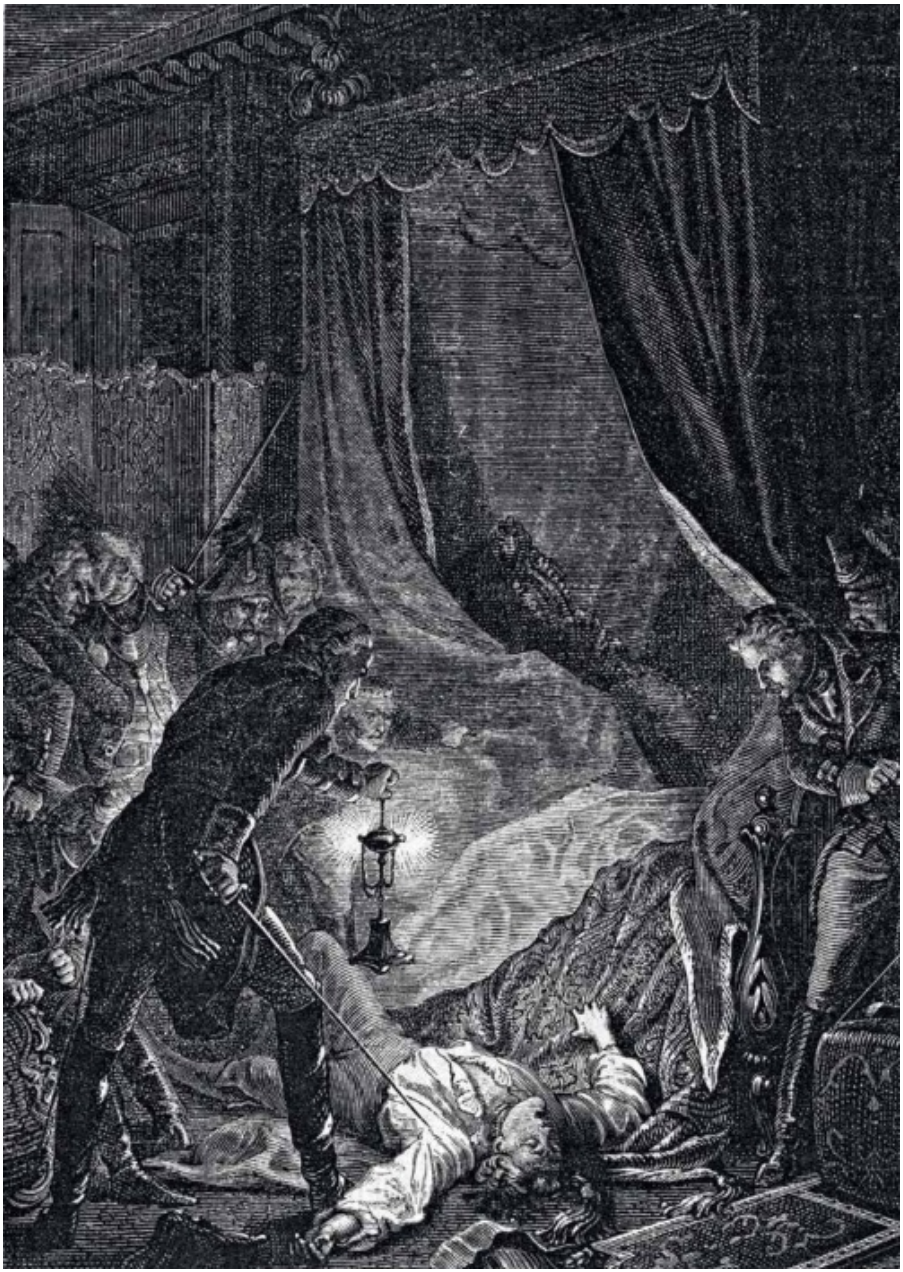
крепость наследника и второго сына, а Марии Фёдоровны в монастырь.

Цареубийству 11 марта 1801 года посвящена огромная мемуарная и историческая литература. Однако нельзя утверждать, что к настоящему времени выяснены почти все детали заговора, хотя известны участники с разной степенью осведомленности, их планы, по часам реконструированы детали убийства, включая реплики участников. Установлено, что создание ядра группы заговорщиков, верящих в необходимость перемен, относится еще к лету 1799 года. Во главе его стоял военный губернатор Петербурга, пользовавшийся полным доверием Павла, участник русско-турецких войн граф П. А. Пален. Изначально, по собственным заявлениям, заговорщики намеревались ограничиться арестом Павла с тем, чтобы заставить его отречься от престола в пользу старшего сына. Никита Панин и Пален были солидарны в необходимости введения конституции, однако Панин видел способ в регентстве, а Пален – в уничтожении Павла I. Эйдельман пишет в книге «Грань веков», что Пален «держа в резерве когорту недовольных, зондируя, прощупывая именно тех, кто „молчит и действует“, он до поры не открывает замыслов и почти никого не осведомляет о конкретном плане, сроке, даже целях, например, объясняется с близкими соучастниками насчет регентства, сохранения жизни Павла при внутренней убежденности, что царя надо убить». Л. Л. Беннигсен писал: «Принято было решение овладеть особой императора и увезти его в такое место, где он мог бы находиться под надлежащим надзором, и где бы он был лишен возможности делать зло».

Общее число людей, вовлеченных в заговор, по разным оценкам составляло от 180 до 300 человек. Эйдельман ориентировочно делит заговорщиков на три основные группы: первая – вожди, самые посвященные, бывшие в курсе окончательного плана убийства, а также Зубовы (три брата и их сестра). Среди них Никита Панин, Пален, Рибас (умер в декабре 1800 года). Сестра Зубовых, Жеребцова, была связана с английским послом Уитвортом, через которую он мог знать все детали заговора. П. В. Лопухин, близкий родственник Жеребцовой, рассказывал о ней: «Витворт через посредство О. А. Жеребцовой был в сношениях с заговорщиками; в ее доме происходили сборища, через ее руки должна была пройти сумма, назначенная за убийство или по меньшей мере за отстранение императора Павла от престола… За несколько дней до 11 марта Жеребцова нашла более безопасным для себя уехать за границу и в Берлине ожидала исхода событий…». После смерти Павла, в

Лондоне она получила от английского правительства сумму, соответствовавшую 2 млн руб. Эти деньги должны были быть распределены между заговорщиками, в особенности между теми, которые принимали участие в убийстве. Но Жеребцова предпочла удержать всю сумму за собою, будучи уверена, что никто не отважится требовать заслуженного вознаграждения.

Вторую группу составляли офицеры, позже присоединившиеся к заговорщикам и занимавшиеся вербовкой новых лиц. В третьей группе были средние и младшие офицеры, которые были отобраны по принципу их недовольства или ненависти к павловской системе, оставшиеся полностью не осведомленными, некоторые из них стали непосредственными исполнителями, а другие – всего лишь соучастниками. Как считается в литературе, никто из первой группы не участвовал непосредственно в убийстве, хотя возникают сильные сомнения относительно Зубовых. В спальню императора, где произошло убийство, проникло примерно двенадцать человек, некоторые потом ее покинули до убийства.



Убийство Павла I. Гравюра Уайтвайта по рисунку Ф.-Э.-А. Филиппото.

Вероятно, заговорщики хотели приурочить развязку к 15 марта – «мартовским идам», принесшим смерть тирану Цезарю, но неожиданные события ускорили принятие решения, так как Павел к вечеру или ночью 8 марта пришел к выводу, будто «хотят повторить 1762 год». Один из мемуаристов пишет, опираясь,

вероятно, на слова Палена: «Как ни старались скрыть все нити заговора, но генерал-прокурор Обольянинов, по-видимому, все-таки заподозрил что-то. Он косвенным путем уведомил государя, который заговорил об этом со своим любимцем Кутайсовым; но последний уверял, что это просто коварный донос, пущенный кем-нибудь, чтобы выслужиться». Пален позже рассказывал, что 9 марта император вызвал его к себе и спросил насчет заговора, Пален признался в участии в нем, обставив дело так, что принял это решение, чтобы выведать все ради благополучия государя. Современник Толь пишет: «Если сцена Палена с царем и не прямая басня, то легенда, над которой Пален в течение жизни имел обыкновение посмеиваться. Кое-что действительно было, но звучало совсем иначе, когда граф Пален сам рассказывал в своем кругу: император сказал ему однажды на утренней аудиенции известные слова („Говорят, что против меня имеется заговор и ты один из заговорщиков“); Пален же, смущенный и испуганный, не нашел сначала ничего лучшего, как на несколько мгновений задержаться в поклоне, чтобы собраться с мыслями и чтобы царь не мог ничего прочитать у него в глазах. Только после того, как он догадался быстрым усилием вернуть своему лицу обычное выражение, рискнул выпрямиться. Однако в спешке не нашел лучшего ответа, чем следующий (произнесенный все еще с опущенными глазами): „Как может такое случиться, когда у нас есть Тайная экспедиция?“ – „Это верно“, – ответил на это император, внезапно совершенно успокоенный, и оставил этот опасный предмет». Согласно мемуарам Чарторыйского Павел объявил Палену, что знает о заговоре. «Это невозможно, государь, – отвечал совершенно спокойно Пален. – Ибо в таком случае я, который все знаю, был бы сам в числе заговорщиков». – Этот ответ и добродушная улыбка генерал-губернатора совершенно успокоили Павла.

Накануне убийства, как сообщают мемуаристы, император произносил реплики, свидетельствующие о плохих предзнаменованиях: «Чему быть, тому не миновать» и им подобное. После ужина он лично проверил внешние посты и запер наружную дверью. Заговорщики ужинали у Палена. Он приказал всем прийти при параде, в форме, в лентах и орденах. «Мы застали комнату полной офицеров, – рассказывает Беннигсен, – они ужинали у генерала, причем большинство находилось в подпитии». «Все были по меньшей мере разгорячены шампанским, которое Пален велел подать им (мне он запретил пить и сам не пил)». Там находилось около 40–60 человек (собравшихся по билетам, разосланным Паленом). Платон Зубов, которому высокое положение при прежнем царствовании придает

особую значимость, объявил собравшимся об истинных планах сборища – вернее, о плане низвержения и ареста императора, указывая, что Александр дал на это санкцию, а Екатерина с самого начала хотела передать престол внуку. Саблуков пишет: «В конце ужина, как говорят, Пален как будто бы сказал: «Напоминаю, господа, чтобы съесть яичницу – нужно сначала разбить яйца».

Павел был убит между половиной первого и двумя часами ночи. сведения собственно об убийстве в некоторых деталях противоречивы: Н. А. Саблуков: «Император вступил с Зубовым в спор, который длился около получаса и который, в конце концов, принял бурный характер. В это время те из заговорщиков, которые слишком много выпили шампанского, стали выражать нетерпение, тогда как император, в свою очередь, говорил все громче и начал сильно жестикулировать. В это время шталмейстер граф Николай Зубов, человек громадного роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьян, ударил Павла по руке и сказал: «Что ты так кричишь!» При этом оскорблении император с негодованием оттолкнул левую руку Зубова, на что последний, сжимая в кулаке массивную золотую табакерку, со всего размаху нанес рукою удар в левый висок императора, вследствие чего тот без чувств повалился на пол. В ту же минуту француз-камердинер Зубова вскочил с ногами на живот императора, а Скарятин, офицер Измайловского полка, сняв висевший над кроватью собственный шарф императора, задушил его им. Таким образом его прикончили…» Несколько иные детали присутствуют в свидетельстве Беннигсена, пытавшегося себя обелить и доказать, что его не было в комнате в момент убийства: «…Мои беглецы между тем встретились с сообщниками и вернулись в комнату Павла. Произошла страшная толкотня, ширма упала на лампу, и она погасла. Я вышел, чтобы принести огня из соседней комнаты. В этот короткий промежуток времени Павла не стало…» А. Ф. Ланжерон, записавший рассказ Беннигсена с его слов, продолжает: «По-видимому, Беннигсен был свидетелем кончины государя, но не принял непосредственного участия в убийстве… Убийцы бросились на Павла, который лишь слабо защищался, просил о пощаде и умолял дать ему время помолиться… Он заметил молодого офицера, очень похожего на великого князя Константина, и сказал ему, как Цезарь Бруту: «Как, ваше высочество здесь?». Прусский историк Бернгарди со слов того же Беннигсена записал: «Павел пытался проложить путь к бегству. «Арестован! Что значит, арестован!» – кричал он. Его силою удерживали, причем особенно бесцеремонно князь Яшвиль и майор Татаринов. Беннигсен два раза воскликнул: «Не

противьтесь, государь, дело идет о вашей жизни!» Несчастный пробовал пробиться и все повторял свои слова… Произошла горячая рукопашная, ширма опрокинулась. Один офицер кричал: «Уже четыре года тому назад надо было покончить с тобой». Услышав в прихожей шум, многие хотели бежать, но Беннигсен подскочил к дверям и громким голосом пригрозил заколоть всякого, кто попытается бежать. «Теперь уже поздно отступать», – говорил он. Павел вздумал громким голосом звать на помощь. Не было сомнения в том, как кончится эта рукопашная с царем. Беннигсен приказал молодому опьяненному князю Яшвилю сторожить государя, а сам выбежал в прихожую, чтобы распорядиться насчет размещения часовых…» М. Фонвизин: «… Несколько угроз, вырвавшихся у несчастного Павла, вызвали Николая Зубова, который был силы атлетической. Он держал в руке золотую табакерку и с размаху ударил ею Павла в висок, это было сигналом, по которому князь Яшвиль, Татаринов, Гордонов и Скарятин яростно бросились на него, вырвали из его рук шпагу: началась с ним отчаянная борьба. Павел был крепок и силен; его повалили на пол, топтали ногами, шпажным эфесом проломили ему голову и, наконец, задавили шарфом Скарятина. В начале этой гнусной, отвратительной сцены Беннигсен вышел в предспальную комнату, на стенах которой развешаны были картины, и со свечкою в руке преспокойно рассматривал их. Удивительное хладнокровие!». Другая деталь: «Один из заговорщиков поспешил известить об этом [отречении] Беннигсена, остававшегося в смежной комнате и с подсвечником в руке рассматривавшего картины, развешанные по стенам. Услышав об отречении Павла, Беннигсен снял с себя шарф и отдал сообщнику, сказав: „Мы не дети, чтоб не понимать бедственных последствий, какие будет иметь наше ночное посещение Павла, бедственных для России и для нас. Разве мы можем быть уверены, что Павел не последует примеру Анны Иоанновны?“. Этим смертный приговор был решен. После перечисления всего зла, нанесенного России, граф Зубов ударил Павла золотой табакеркой в висок, а шарфом Беннигсена его задушили».

Кто сообщил Александру о смерти отца, точно неизвестно. Александр посылает жену Елизавету Алексеевну сообщить императрице Марии Фёдоровне о происшедшем: «Пойдите к матери и пригласите ее как можно скорее приехать в Зимний дворец». Мемуаристы пишут, что при получении известия она упала в обморок, но быстро оправилась. Кроме того, Мария Фёдоровна заявила, по свидетельствам очевидцев, что коронована и должна теперь царствовать. С часу до пяти утра она

отказывалась подчиниться сыну и новому императору. Она сделала три попытки овладеть ситуацией. Вельяминов-Зернов сообщал: «Вдруг императрица Мария Фёдоровна ломится в дверь и кричит: „Пустите, пустите!“ Кто-то из Зубовых сказал: „Вытащите вон эту бабу“. Евсей Гордонов, мужчина сильный, схватил ее в охапку и принес, как ношу, обратно в ее спальню». Затем она пробует прорваться на балкон и обратиться к войскам, но ее останавливает Пален. Последняя попытка Марии Фёдоровны – пройти к телу мужа другими комнатами через расположение Полторацкого, который долго не пускает ее к телу, но наконец получает на это разрешение Беннигсена, сказавшего императрице: «Мадам, не играйте комедию».

Утром следующего дня был издан написанный Д. П. Трощинским манифест, в котором подданным сообщалось, что Павел скончался от апоплексического удара. Согласно воспоминаниям Ланжерона, не все гвардейские полки приняли эту версию, среди солдат Преображенского полка «поднялся глухой ропот». В этой ситуации «император Александр предавался в своих покоях отчаянию, довольно натуральному, но неуместному. Пален, встревоженный образом действия гвардии, приходит за ним, грубо хватает его за руку и говорит: «Будет ребячиться! Идите царствовать, покажитесь гвардии!» Новый император не забыл этого бесцеремонного обращения. Пален вскоре был выслан в свое имение в Митаве, где в 1815 году его посетил молодой офицер Павел Иванович Пестель, тогда адъютант генерала П. Х. Витгенштейна. Уловив направление мыслей будущего руководителя декабристов, старый генерал поделился с ним собственным опытом заговорщицкой деятельности: «Слушайте, молодой человек! Если вы хотите что-нибудь сделать путем тайного общества, то это глупость. Потому что если вас двенадцать, то двенадцатый неизменно будет предателем! У меня есть опыт, и я знаю свет и людей». К сожалению, генерал оказался прав, одним из доносчиков на тайное общество декабристов оказался офицер из ближайшего окружения Пестеля.

Петербуржцы, по свидетельству современников, реагировали на новость с энтузиазмом: «Как только известие о кончине императора распространилось в городе, немедленно же появились прически à la Titus, исчезли косы, обрезались букли и панталоны; круглые шляпы и сапоги с отворотами наполнили улицы». «Лишь только рассвело, как улицы наполнились народом. Знакомые и незнакомые обнимались между собой и поздравляли друг друга с счастием – и общим, и частным для каждого порознь». «Незнакомые целовались друг с другом как в Пасху, да

и действительно это было воскресение всей России к новой жизни». Однако немало было и людей, испытывавших другие чувства. М. А. Фонвизин в своих записках замечает: «Посреди множества собравшихся царедворцев нагло расхаживали заговорщики и убийцы Павла. Они, не спавшие ночь, полупьяные, растрепанные, как бы гордясь преступлением своим, мечтали, что будут царствовать с Александром. Порядочные люди в России, не одобряя средство, которым они избавились от тирании Павла, радовались его падению. Историк Карамзин говорит, что весть об этом событии была в целом государстве вестию искупления: в домах, на улицах, люди плакали, обнимали друг друга, как в день Светлаго Воскресения. Этот восторг изъявило однако одно дворянство, прочия сословия приняли эту весть довольно равнодушно». Как всегда, выдающийся историк прав, подчеркивая верхушечный характер перемен в России, не затрагивавших основных порядков, царивших в стране.

После убийства императора придворным пришлось решать задачу приведения в должный вид тела покойного, чтобы наутро его можно было показать войскам в доказательство его естественной смерти. Несмотря на все старания, на лице покойного были видны синие и черные пятна. Придворному медику Вилье помогали врачи Гриве и Гутри. Следовало доказать волнующимся солдатам, что царь действительно умер и надо присягать Александру. Известно, что из Гатчины был приглашен придворный живописец Яков Меттенлейтер, хранитель гатчинской картинной галереи, которого вызывали с кистями и красками гримировать тело. Когда император лежал в гробу, его треугольная шляпа была надвинута на лоб так, чтобы скрыть, насколько возможно, левый глаз и разбитый висок. Н. И. Греч пишет, как ходил прощаться с телом: «Едва войдешь в дверь, указывали на другую с увещеванием: извольте проходить. Я раз десять от нечего делать ходил в Михайловский замок и мог видеть только подошвы ботфортов императора и поля широкой шляпы, надвинутой на лоб». Отпевание и погребение состоялось 23 марта в Великую субботу, оно было совершено всеми членами Святейшего Синода во главе с митрополитом Санкт-Петербургским Амвросием Подобедовым. Последнее пристанище убитый император нашел в усыпальнице Петропавловского собора.

На престол вступил Александр I, в результате чего общая атмосфера в стране сразу же поменялась. Изменился внешнеполитический курс. От союза с Францией вернулись к внешне дружеским отношениям с Англией. Новый император заявил, что при нем все будет, как при бабушке. Тем не менее

самому Александру убийство нанесло глубокую психологическую травму, которая, возможно, вызвала его обращение к мистицизму в конце жизни. Фонвизин описывает его реакцию на новость об убийстве: «Когда все кончилось, и он узнал страшную истину, скорбь его была невыразима и доходила до отчаяния. Воспоминание об этой страшной ночи преследовало его всю жизнь и отравляло его тайною грустью». Жена Александра, Елизавета Алексеевна, писала: «Страшная рана в его душе не заживет никогда». Постепенно все основные участники переворота были удалены из Петербурга. В политическом плане страшная история гибели Павла довлела над его сыновьями всю жизнь. С этим связана во многом их осторожность в осуществлении назревших социально-экономических преобразований, в частности, отмены крепостного права. И Александр, и затем Николай, понимая необходимость борьбы с крепостничеством, боялись сделать не только решительные, но даже робкие шаги в этом направлении, страшась реакции помещиков-дворян.

«Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность отечества, – писал Карамзин, – к неизъяснимому изумлению россиян, он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами, казнил без вины, награждал без заслуг, отнял стыд у казни, у награды – прелесть; унизил чины и ленты расточительностью в оных; легкомысленно истребил долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери; умертвил в полках наших благородный дух воинский, воспитанный Екатериной, и заменил его духом капральства».

Сложность и противоречивость как самого Павла, так и истории его убийства отметил А. С. Пушкин, для которого Павел – «романтический наш император» и одновременно «увенчанный злодей».

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —
И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,

Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит – в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.
Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной…
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары…
Погиб увенчанный злодей.

Главные даты жизни императора Павла I Петровича

20 сентября 1754 г.

Родился великий князь Павел Петрович.

29 сентября 1773 г.

Женитьба великого князя Павла Петровича на принцессе Августе-Вильгельмине-Луизе Гессен-Дармштадтской (в православии Наталии Алексеевне). Отстранение Н. И. Панина от должности наставника великого князя.

1776 г.

15 апреля

Великая княгиня Наталья Алексеевна скончалась при родах. Младенца спасти не удалось.

26 сентября

Бракосочетание Павла Петровича и Марии Фёдоровны (урожденная София Доротея Августа Луиза Вюртемберг-Монбельерская).

12 декабря 1777 г.

Рождение великого князя Александра Павловича, будущего императора Александра I.

19 сентября 1781 г.

Начало путешествия в Европу графа и графини Северных (Павла Петровича и Марии Фёдоровны).

9 сентября 1787 г.

Манифест о начале войны с Турцией. Екатерина II не позволяет Павлу Петровичу выехать к театру военных действий.

1788 г.

30 июля

Манифест о начале войны со Швецией. Цесаревич Павел Петрович выезжает в действующую армию, оставив письменные завещания жене и детям.

6 ноября

Кончина Екатерины II. Вступление на престол Павла I.

4 декабря 1796 г.

Учреждено Государственное казначейство и должность государственного казначея.

1797 г.

4 января

Император Павел I принимает под свое покровительство Мальтийский орден.

26 февраля

Начало строительства Михайловского замка.

5 апреля

Коронация Павла I и его жены Марии Фёдоровны. Обнародован закон о престолонаследии.

3 мая

Поездка Павла I с великими князьями Александром и Константином по западноевропейской России.

29 мая

Возвращение из поездки по России.

29 ноября 1798 г.

Император Павел I принял на себя достоинство великого магистра Мальтийского ордена.

1799 г.

25 января

Введение в ряде губерний должности фискала.

29 октября

Фельдмаршал А. В. Суворов возводится в ранг генералиссимуса российских войск.

1800 г.

8 ноября

День святого архистратига Михаила – освящение Михайловского замка.

4 – 6 декабря

Подписание договора между Россией, Пруссией, Швецией и Данией, фактически означающего начало войны с Англией.

1801 г.

18 января

Манифест о добровольном присоединении Грузии к России.

1 февраля

Императорская семья переезжает в Михайловский замок.

В ночь на 12 марта

Император Павел I убит заговорщиками в своей спальне в Михайловском замке.